

Анна Милтон

Мать-
одиночка

ДЛЯ МАГНАТА

Анна Милтон

Мать-одиночка для магната

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69786073

0101

Аннотация

— Не шутишь? Арендовал ресторан, чтобы просто... пообедать?

— Клянусь тебе, — смеется Света, расстегивая пуговицы на рабочей рубашке. — Наш менеджер никогда так от счастья еще не светился. Не удивительно, ведь клиент расщедрился на сумасшедшие чаевые. Еще пара таких заходов, и я бы могла купить себе дешевенький немецкий авто.

Я пытаюсь прикинуть, сколько это в цифрах и проглатываю комок откровенной зависти.

Мне бы такие деньжищигодились. Квартуру найти, Машке подготовительную школу оплатить, да и вообще...

— Мне стало любопытно, и я погуглила этого типа, — щебечет Света. — Греческий бизнесмен. Несметно богат. Безбожно красив. В общем, мифическое создание. Правда, не холост.

От безысходности я переступила порог его особняка, не подозревая, как сильно мне предстоит пожалеть об этом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	67
Глава 7	74
Глава 8	86
Глава 9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Мать-одиночка для магната Автор: Анна Милтон

Пролог

ВЕРА

— Мамочка, папа снова злится...

Манюня вздрагивает, устремляет округленные от ужаса глаза на дверь. Деревянное полотно сотрясается от громовых, отрывистых ударов. По ту сторону доносится невнятное, нечленораздельное бормотание. Сила есть, ума не надо — это про моего недожениха, сожитительство с которым с недавних пор превратилось в пытку.

Я прижимаю ангелочка к своей груди, не прекращая убеждать себя, что в тесной ванной комнатке мы в безопасности. По крайней мере, до тех пор, пока Сережа не угомонится.

Снова белку словил.

Как мерзко, что дочка называет этого пьяницу папой.

Он не ее биологический отец, и никогда им не станет. Не достоин он называться папой моей Манюни. Теперь я это понимаю. Черт возьми, какой же душой я была, раз верила в

Сережкино: «Изменяюсь!». С пеной у рта клялся, что бросит пить ради нас с Машенькой.

Я ждала. Терпела. Завтракала, обедала и ужинала его обещаниями. И вот до чего дотянула. Сама виновата. Надо было раньше уходить... надо было рвать с ним после первой его пьянки. А я, идиотка круглая, позволяла ему вешать лапшу мне на уши. Потому что люблю? Не знаю. *Раньше* любила. Так сильно любила, что уехала с ним в Москву, стоило ему только позвать.

– Тшш. Родная, — я прикладываю палец к пухлым губам дочки и пытаюсь улыбнуться ей. — Мы должны посидеть тихо, хорошо? Поиграем в игру?

– В игру? — Манюня легко отвлекается от грохота и вопросительно смотрит на меня. — Какую игру, мама?

Мозг закипает от попыток сгенерировать достойные правила для анонсированной забавы. Но в итоге я сбивчиво шепчу какой-то бред:

– По моей команде ты должна поймать Молчуна. Он невидимый и очень-очень проворный. Подержи его во рту немного, договорились? Будь осторожна, не выпусти Молчуна, иначе защекочет... — боюсь представить, как выглядит со стороны улыбка на моем встревоженном лице.

– Хорошо, мама, — Манюня деловито кивает, широко разевает рот и смыкает его, клацнув зубками. Молчун пойман.

– Умничка моя.

Я вздрагиваю всем телом от очередного удара кулаком по

двери, усаживая на колени мою голубоглазку и закрывая ей уши. Мне бы кто закрыл. Страшно представить, что могло случиться в мое отсутствие. Как назло задержали на работе. Моя сменщица опоздала на целый час! И весь этот бесконечно долгий час моя Машка была совсем одна в квартире с «папой». Благо Сережа ее не тронул, не обидел, но какому ребенку пойдет на пользу видеть «папу» невменяемым и едва складывающим буквы в слова?

И вот я пожиная плоды своей наивности и веры в этого пропащего человека, притаившись в ванной со сжавшимся от страха сердцем, что под натиском неконтролируемых действий физически крепкого мужика ростом под метр девяносто хлюпенький замок слетит с петель. Удивительно на самом деле, что этого еще не произошло.

– Вера... Верка! Открывай!.. — от его глухого рева трясется настенное зеркало.

Нужно бежать. Сегодня я это сделаю. Мы с Манюней дождемся, пока Сережа уgomонится, соберем по-тихому вещи первой необходимости и убежим подальше от этого дома. Я его брошу. Без сожалений, без оглядки. Мое безграничное доверие он сточил в иглу. Сам же на нее наткнется и больно уколется, когда протрезвеет и осознает, что натворил.

Машенька, надув щеки, строго-настрого следует правилам игры. Болтая ножками, считает цветочки на своем розовом платье. Я же с трудом сдерживаюсь, чтобы не начать биться затылком о край ванны, обливаясь горькими слезами.

Неизвестность пугает до чертиков.

Лихорадочно перебираю в мыслях варианты, куда податься, и на что жить. От последней зарплаты почти ничего не осталось после оплаты счетов — этих копеек хватит на две ночи в дешевом отеле. Возвращаться в родной город стопроцентно не вариант. На перелет в Ханты-Мансийск не наскрести. Да и куда возвращаться? К кому? Никого у нас с Манюней не осталось.

Нужно посмотреть, не опустошил ли Сережа заначку. Если нет — мы спасены. Месяц точно проживем спокойно. Если да... хреново это, но я не возлагаю особых надежд на то, что возможно найду. Поедем с Машкой ко мне на работу, я попробую выклянчить у босса аванс.

Жилье, жилье, жилье, где нам с Машенькой жить?

Не знаю, сколько минут мы с дочкой сидим, проглотив языки. Шум за дверью прекращается, и я набираюсь смелости, чтобы сделать рискованный шаг. Отодвигаю защелку и осторожно выглядываю наружу. Просунув голову в проем, удостоверяюсь, что коридор пуст. Наказываю дочке оставаться в ванной, а сама отправляюсь в поисках Сережи.

Разлегся поперек нашей кровати звездой и храпит в покрывало. На цыпочках крадусь к шкафу-купе, размышляя, почему в этот раз моя паника зашкаливает. Прежде Сережа не бил меня. Замахивался в состоянии горячки, поливал грязью нас с Манюней, называя «прицепом на его шее». Извинялся потом, правда, однако слова тоже имеют свойство

ранить. Вот и эти глубоко въелись под корку сознания, отзываясь тупой, скребущей болью.

Действую крайне осмотрительно, перемещаясь по хрущевской двушке на носочках. Спит Сережа крепко, но рисковать не хочется. Забиваю чемодан наполовину своими вещами, наполовину Машкиными. К сожалению, не получится забрать все ее игрушки, поэтому отдаю предпочтение самым любимым, без которых она не ложится спать.

Коробка с заначкой пуста.

Сволочь. Ну и черт с ним.

— Вера, ты зачем сюда с ребенком и чемоданом притащилась? — Гребцов, менеджер нашего ресторана, отводит меня в сторону помещения для персонала, чтобы укрыть от внимания посетителей разборки со мной.

Тип он премерзкий, но я не в том положении, чтобы ходить с гордо задраннным носом.

– Безвыходная ситуация, Павел, — придерживаясь вежливого тона, объясняю я и оборачиваюсь, выискивая взглядом Машу. Света, официантка, с которой я неплохо общаюсь, сказала, что присмотрит за девочкой, пока я общаюсь с начальством. — Так вышло, что я...

– Не продолжай! — гадкий боров отмахивается, как от назойливой мухи. Встал не с той ноги, что ли? Раздражитель-

нее, чем обычно. — Меня не волнует твоя личная жизнь, — он трясет перед моим лицом мясистым указательным пальцем, сверкая увесистым золотым перстнем. — Таких проблемных у меня вагон и маленькая тележка. Вечно что-то просите, трясете. Достали!

Я сжимаю кулаки и делаю резкий вдох.

— Я уйду. Сейчас же уйду, хорошо? Вы можете выдать мне аванс? Я буду брать дополнительные смены...

Менеджер снова меня перебивает.

— Аванс строго через неделю. Никаких исключений.

— Пожалуйста, Павел!

— Нужны деньги — переодевайся и за работу. Но мелкую свою куда-то пристрой. Она здесь не останется. Будет мешать посетителям.

— Маша не доставит никому неприятностей, — цежу я сквозь плотно стиснутые зубы. Она послушная и очень милая.

И как только этого грубого бандюгана допустили до работы с людьми?! Я терплю его скотское отношение исключительно ради Манюни. Не будь ее, плюнула бы Гребцову в наглое, заплывшее жиром лицо и даже не стала бы пробовать распыниваться с мольбами.

— Не забывай, где находишься, Анисимова. Здесь тебе не круглосуточный паб с дешевым пойлом, не проходной двор! — плюется ядом, ослабляя узел галстука. Заводит свою шарманку и кичится посредственным заведением с громким на-

званием и непомерными ценами, как мишленовским. — Кто попало не задерживается.

Швырнув мне в лицо безапелляционный ответ, Гребцов ставит точку в нашем разговоре и возвращается в зал.

Это он моего ненаглядного ангелочка кем попало назвал?

Я шагаю за ним в большой зал, преследую тучную фигуру до барной стойки и в порыве охватившего неистовства уверенно берусь за первый попавшийся стакан, чтобы выплеснуть содержимое ему в рожу на потеху публике. Заслужил. Я больше не потерплю пренебрежения в адрес моей крохи.

Обхватив пальцами продолговатую емкость для коктейля, вдруг понимаю, что не могу пошевелить рукой и воплотить в реальность абсолютно идиотский, не сулящий ничего хорошего план.

– Какого черта, дамочка?

Я растеряно бормочу «простите» возмущившемуся мужчине, который перехватил мою кисть в воздухе, и, скрипя зубами, иду искать Машу. Хоть жутко взбешена, но я рада, что не учинила скандал и не вылетела с позором из ресторана. Нахожу дочку на кухне в окружении су-шефа и Светы. Они старательно хохочут над историей, которую Манька им увлеченно излагает.

– Нам пора, солнышко, — я целую дочку в лобик, поднимаю с пола ее рюкзачок, в одну руку вкладываю ладошку Маши, другой держусь за ручку чемодана. Спрашиваю себя, а куда нам, собственно, пора?

Уткнувшись в телефон, я бреду к выходу и ищу в интернете ближайшую гостиницу с приемлемыми ценами и хорошими отзывами. Миссия невыполнима, называется. Пролистывая странички одну за другой, совсем забываю смотреть по сторонам и из-за собственной же невнимательности врезаюсь в кого-то у парадных дверей. Вцепившись намертво в старенький смарт, который чуть не выронила, я поднимаю голову и виновато улыбаюсь представителю пожилому мужчине в черном тренче. Придерживая у живота благородную трость с изысканной резьбой, седовласый незнакомец со стильной пышной прической стряхивает влагу с плеч.

– Вы не ушиблись? — спрашиваю я.

Еще не хватало старичка покалечить.

– Я в полном порядке, милая. А вы, юная леди, не пострадали? — почтительно обратившись к Маше, добродушно смеется, наблюдая, как она жметя к моему бедру, смутившись.

Я бормочу слова извинения, и мы расходимся на дружеской ноте.

– Мамочка, смотри, дедуля уронил! — Маня дергает меня за мизинец, привлекая внимание.

Я не заметила, когда она успела подобрать с пола черный кожаный портмоне.

– Нужно ему вернуть.

Манюня кивает.

Я ставлю чемодан у стенки, беру дочку на руки и возвра-

щаюсь вглубь зала. Найти одетого с иголки дедушку не составляет труда. Среди собравшейся светской интеллигенции на крутых машинах и в вычурных нарядах мужчина выделяется филигранным видом и осанистостью, его жесты плавны, с лица не сходит вежливая улыбка. Он, случаем, не какой-нибудь аристократ?

— Простите, — окликаю его. — Вы обронили, — протягиваю ему кошелек.

— Боже правый! Я и не заметил... — он принимает потерю двумя руками и с благодарностью смотрит на меня. — Большое вам спасибо, милая.

Наклонив подбородок, он открывает бумажник. Думает, я стащила деньги? Однако неожиданно в поле моего зрения попадает сложенная пополам фотография.

— Не поверите, но этот снимок моей покойной жены — единственный, — дедушка с любовью смотрит на изображение женщины средних лет. Она кокетливо позирует на фоне моря и пляжа с нежно-розовым песком. — Самая прекрасная женщина стеснялась своей красоты. Глупая. И вечно была недовольна тем, как получалась на фотографиях, — бледную морщинистую кожу окрашивает розовый румянец, и мне становится стыдно за мысль, будто этот прелестный старичок подозревал меня в краже. — Я бы не простил себе, если бы лишился его. Спасибо вам. Большое спасибо.

— Не стоит...

— Могу я как-нибудь вас отблагодарить? Что угодно. Этот

портмоне не имел бы ни грамма значимости без моей Офелии.

– Нет-нет, что вы. Мне ничего не нужно. Просто будьте осторожны.

– Это ваш чемодан? — седовласый джентльмен кивает мне за плечо.

– Э-э, да. Мой.

– Вы переезжаете?

– Не совсем.

– Ищете жилье?

Я переминаюсь с ноги на ногу, испытывая неловкость.

– Вроде того...

– Маму обижает папа. Поэтому нам пришлось уйти из дома, а идти некуда, представляете?

В ужасе округлив глаза, я смотрю на разоткровенничавшуюся Машку, театрально всплеснувшую ручками.

– Дочка! — шикаю на говорливую малютку. — Что ты... болтаешь такое?!

Но проказница словно и не слышит меня! Продолжает лепетать:

– Мама ругается с начальником. Злой дяденька ей мало платит.

– Господи, Манюнь!.. — я готова на месте провалиться сквозь землю от стыда.

– Это правда, юная леди? Мне очень жаль, — солидно выглядящий старик вынимает из внутреннего кармашка визит-

ку и, глядя пристально мне в глаза, вручает черно-золотую карточку Маше. Та с любопытством крутит визитку в пальчиках и по слогам читает, что на ней написано. Кирьян И. Гривас. — Обращайтесь, если я *вам* понадобится, — одним только взглядом, пронизательным и понимающим, давит на самое больное. — Я могу помочь вам с жильем и работой. Клянусь честью своей покойной жены, зарплатой вас не обидят, милая.

Клянется честью покойной жены? Кто так выражается в наши дни? Ну точно белая кость.

Могу ли я довериться обещаниям незнакомого старика? Оприметчиво бросить какую-никакую, но стабильную нелюбимую работу ради складной сказки? Я слишком долго в них верила, и даже если этот человек действительно не собирается подставлять меня, не могу по щелчку пальцев избавиться от навязчивых подозрений.

Мир слишком жесток, чтобы оприметчиво облекать доверием чужие слова.

— Всего хорошего, — поджав губы, торопливо произношу и ухожу от незнакомца.

Беру свой чемодан, толкаю парадную дверь и резко стопорю под козырьком, снова и снова прокручивая в голове заманчивое предложение старика.

Делаю глубокий вдох, наполняя легкие ароматом прохлады и свежести. Свободы. Сегодня я поставила точку в двухлетних отношениях.

На улице разыгралась непогода, а у меня нет зонта. Не дай бог Машка простынет.

Глава 1

ВЕРА

— Не шутишь? Арендовал ресторан, чтобы просто... пообедать?

— Клянусь тебе, — смеется Света, расстегивая пуговицы на рабочей рубашке. — Наш менеджер никогда так от счастья еще не светился. Не удивительно, ведь клиент расщедрился на сумасшедшие чаевые. Еще пара таких заходов, и я бы могла купить себе дешевенький немецкий авто.

Я пытаюсь прикинуть, сколько это в цифрах и проглатываю комок откровенной зависти.

Мне бы такие деньжищи пригодились. Квартиру найти, Машке подготовительную школу оплатить, да и вообще...

— Мне стало любопытно, и я погуглила этого типа, — щебечет Света. — Греческий бизнесмен. Несметно богат. Безбожно красив. В общем, мифическое создание. Правда, не холост.

Горестно вздыхает и добавляет:

— Так бы вообще сказка была.

— Счастливая ли сказка с таким расточительным принцем? — добавляю я ложку дегтя.

— Ой, да ладно тебе. Для него это наверняка копейки.

Я закрываю свой шкафчик и перед тем, как выйти в зал,

кручусь перед зеркалом, проверяя, как сидит фартук. Снимаю с запястья резинку, собираю волосы в конский хвост и салютую высокой худощавой блондинке.

– Хороших выходных.

Она вдевает маленькое колечко в ноздрю и подмигивает мне. Дресс-код персонала запрещает ношение пирсинга во время смены.

– Спасибо.

Чуть не забыла выложить телефон. Гребцов бы расписовался, если бы спалил меня с мобильником в зале. Напоследок проверяю наличие пропущенных. Где-то глубоко теплится крошечная надежда на то, что Сережка звонил. Одумался. Раскаивается. Хочет вернуть нас с Манькой домой и не отпускать, не подводить.

Ничего. Уведомлений нет. Наверное, еще спит, или ему настолько фигово с похмелья, что от отвращения ко всему он мечтает забыть собственное имя.

Черт с тобой, Земцов.

подавив зевок, я нацепляю дежурную улыбку, включаю пейджер официанта и мчусь обслуживать гостей. Надеюсь собрать сегодня побольше чаевых. Шеф-повар нашего ресторана, человек с широкой душой, подкинул мне номер знакомых, недавно переехавших на новую квартиру, старую они планировали сдавать в аренду. Он разъяснил им мою ситуацию, и супруги Брянцевы согласились дать отсрочку с оплатой за первый месяц проживания. Завтра я договорилась

сдвинуть смену с обеда и до десяти вечера, чтобы утром встретиться с владельцами однушки в Марьино, а пока мы с Машей заселились в гостиницу.

За дочку я спокойна. Она в садике до пяти. Принимая заказ у седьмого столика в зале для курящих думаю про себя с облегчением, что не позволила Сереже настоять на Машкин перевод в частный детсад. Опростоволосилась бы сейчас по-крупному.

День протекает спокойно, за что я люблю дневные смены. Вечерами нередко случаются наплывы всяких дебилов, обожающих разбрасываться деньгами и указами. Такие люди — громкие, грубые, распускающие руки, к тому же жмоты — никогда не будут на хорошем счету у официантов. Мы злопамятны.

И управляющий сегодня до странного уравновешенный, не лезет к молоденьким официанткам с бесцеремонными шутками и не бежит к бару, чтобы влить в себя бокальчик-другой коктейля. Нам только на руку, что его короткошея, шаровидная голова редко высовывается из кабинета. Он любит стоять над душой, а это жутко выводит из себя.

– Вер, я поклюю быстренько и вернусь, — сообщает мне новенькая. Две недели здесь работает. Женей зовут.

– Не торопись. Приятного аппетита.

И почему новички обсуждают такие вопросы со мной, когда на эти случаи имеется менеджер? Может, они считают меня кем-то вроде администратора? По крайней мере зада-

ются вопросами, почему я до сих пор не получила повышение после двух лет беготни по залам с подносами. Не планировала, что задержусь в этих стенах дольше, чем на пару-тройку месяцев. Но столица жестоко осадила все мои грезы о мегаполисах и возможностях. Мне не хватало внутреннего стержня, чтобы сменить жизненный курс. Вчера чаша терпения переполнилась, и я сделала большой шаг навстречу переменам.

Пейджер вибрирует на запястье. Я иду в зал для некурящих, приветствую новых гостей стандартными речевыми модулями, предоставляя им в распоряжение меню с винной картой, а краем зрения улавливаю движение у входа. Опрятная светловолосая женщина усердно проталкивает вперед детскую инвалидную коляску. Мальчик лет восьми с любопытством осматривается по сторонам, размеренно хлопая ладошкой по подлокотнику.

– Прошу прощения, девушка, — мама очаровательного ребенка, сдувая с лица влажные прядки, улыбается мне, — скажите, можем ли мы воспользоваться вашей уборной?

– Конечно...

Едва я договариваю слово до конца, малыш вдруг начинает громко кричать. Его мама извиняется и приседает перед сыном на корточки, чтобы успокоить, но тщетно. Мальчишка не смолкает, и взгляд у него необычный — отсутствующий, словно мыслями он далеко-далеко отсюда. Посетители в недоумении пялятся на них, одна «телочка» в компании

пузатого мужчины на вид вдвое старше нее начинает с нарочитой громкостью возмущаться.

– Что это такое, женщина? Вы где находитесь? Мешаете людям отдыхать, — шевелит накаченным ботоксом ртом, подражая московскому акценту. — Понаражают уродов и доставляют всем проблемы...

Мой материнский инстинкт велит мне немедленно ринуться к столику под номером десять и опрокинуть пасту, которую бессодержательная кукла скучающе наматывает на вилку, ей на длинные нарощенные волосы. Родители совсем не учили паршивку манерам? Выглядит такой зеленой, словно только вчера школу окончила.

Я поражена тем, как мама мальчика хладнокровно пропускает критику в свой адрес и мягко просит у меня уточнить, как пройти в уборную. Я решаю проводить их, поскольку не способна выдавить от потрясения ни слога.

На пути у нас вырастает громадная угрюмая туча.

– Что за цирк здесь устроили?! — рычит Гребцов, метая налитые кровью глаза с моего лица к матери с сыном в инвалидном кресле. Я непроизвольно сжимаю кулаки, не в состоянии равнодушно наблюдать, с каким пренебрежением менеджер оценивает их простую одежду и отсутствие кричащих украшений, которые бы демонстрировали высокий социальный статус.

Симпатичный мальчишка снова начинает кричать, да так, что уши закладывает. По залу прокатывается вторая, более

мощная волна негодования.

— Давайте, дамочка, уходите по-хорошему, — Гребцов бесцеремонно машет двумя руками в направлении выхода. Его излюбленный жест. — Нам неприятности не нужны.

Сволочь. Гадливая сволочь!

— Мальчику нужно в уборную, — вмешиваюсь я, голос дрожит от злости. — Силой вытолкаете отсюда ребенка?

А ведь он на это способен.

— Опять ты, Анисимова, — фыркает на меня беспардонный жирдяй. — Слепла? Гляди, как клиенты недовольны! Вместо того чтобы прохладиться здесь, шла бы и устранила бунт.

Довольно.

С меня. Довольно.

Уже сил никаких нет мириться с существованием этого бездушного монстра.

— Пожалуйста, идите, не обращайтесь на него внимания, — обращаюсь к маме с мальчиком, самым наглым образом игнорируя побагровевшую от ярости ряху Гребцова. — Они имеют полное право находиться здесь и пользоваться уборным помещением, — чеканю ему, глядя в крошечные удивленные зенки босса. — Вопрос уже к вышестоящему руководству, почему кто-то вроде *тебя*, невоспитанного хама, допускается к работе с людьми. Этой женщине следует написать жалобу и подать на тебя в суд за неподобающее обращение к ее сыну.

– А...а...Анисимова!.. Ты...

Я?

Я снимаю фартук и швыряю в Гребцова.

– Я увольняюсь.

Глава 2

ВЕРА

За последние сутки я держала визитку, оставленную дедулей, столько раз, что на ней стерлось несколько букв. Еще и помяла — я не выпускала ее в те моменты, когда пальцы непроизвольно сжимались в кулак от испугленности. Столько часов я просидела на пятой точке ровно, не решаясь позвонить по номеру телефона и попросить об услуге...

Я загнала нас с Машкой в тупик. Надо было стиснуть зубы и в очередной раз прожевать отвратительный характер менеджера, чтобы было на что жить и кушать. Но нет. Вместо этого выпятила грудь вперед, заступившись за чужое чадо, а с тем, чтобы защитить собственную дочь, ни черта не справляюсь.

Я плохая мать?

Я плохая мать.

В горло кусок не лезет. Пора выдвигаться в Марьино, чтобы посмотреть квартиру, а ноги ни в какую не ведут к выходу из номера гостиницы. Сперва позвоню, а дальше...

Знакомый голос отвечает спустя три длинных гудка, когда я едва не сбрасываю вызов.

— Я... здравствуйте! — как заведенная, принимаюсь наворачивать километры по замкнутому кругу. — Господин...

Гривас? — нервно усмехаюсь. Правильно вообще обращаться к нему таким образом? Давно у меня так щеки не пылали. — Добрый день... вернее утро. Мы столкнулись с вами в ресторане не так давно. Вы обронили кошелек, помните? — тараторю без умолку. От конфуза принимаюсь теревить край шторки, думая, как перейти к сути разговора. — А затем дали мне визитку и...

— Милая, я вас помню, — с задором смеется старик. — Я гадал, когда же вы осмелитесь связаться со мной. Как ваши дела?

Без понятия, что ему ответить. Голова вмиг делается ватной и пустой. Не помню, когда я в последний раз слышала, чтобы кто-то интересовался моими делами. Тем более — человек, с которым я *однажды* пересеклась. Мы же по сути чужие друг для друга люди, однако душевного тепла от этого старика исходит больше чем от кого-либо из моего окружения.

— Мне нужна ваша помощь, Кирьян, — понуро опустив голову, сминая в ладони пожелтевшую ткань. Была не была. Назад дороги нет. — Пожалуйста, помогите.

— Я понял, милая. Положитесь на меня.

Так... легко согласился? Может, я сплю?

Щипаю себя за руку, шикаю от боли. Не просыпаюсь.

— Вы ведь... — усмехаюсь я, шмыгнув носом. — Вы ведь даже имени моего не знаете. Только «милой» зовете.

Господин Гривас опять смеется.

– Старость не в радость. Память, как решето.

– Я Вера.

– Очень приятно. Что-то мне подсказывает, что ваше имя я не забуду.

— Мамочка, долго нам еще ехать?

– Нет, Мань.

Мы в пути около часа. Направляемся в коттеджный поселок недалеко от МКАД. Результаты поиска в браузере об этом месте только радуют. Комфортабельно обустроенный, экологически чистый район в окружении хвойного леса с прекрасной инфраструктурой, на территории которого размещены более двухсот элитных домов. В один из таких мы переезжаем с Машей.

Дочка дергает меня за рукав кардигана с негласным требованием поклониться к ней.

– Я хочу пи-пи, — жалобно шепчет.

– Потерпи немножко.

– Не могу-у, мам, — Машка выпячивает нижнюю губу и глядит на меня обеззараживающе.

Не особо жажду тревожить водителя. Парень за рулем, несмотря на довольно смазливое лицо, не распространяется на дружелюбную болтовню. С момента, как загрузил наши вещи в багажник проезжающего автомобиля, посланного доб-

росердечным дедушкой, он хранит суровое молчание, глядя строго на дорогу перед собой.

— Мама, — настойчиво теребит Манька мою кофту. — Ну мама-а, пи-пи!

— Извините, не могли бы вы притормозить на минуту? — обращаюсь к водителю.

— Мы подъезжаем.

Коротко и безапелляционно.

Окей...

— Солнце, потерпи еще вот столечко, — сжатыми пальцами показываю Манюне щепотку, целую в лобик и прижимаю к своему боку.

Наш черный седан сворачивает с трассы, приближается к охранному пункту на въезде в поселок. Водитель предоставляет вышедшему из будки сотруднику безопасности пропуск, и перед нами поднимается шлагбаум.

Нам с Манькой открывается совершенно новый мир. Мир богачей, способных раскошелиться на такие громадные строения, разъезжать на элитных тачках и никогда и ни в чем себе не отказывать. Скупердяйка во мне завистливо фыркает, называя открывшиеся моему взору роскошества откровенным насмехательством над теми, кто лишен аналогичных привилегий. А ведь все гораздо прозаичнее. Люди делятся на два типа. Те, кто умеет зарабатывать, и те, кто только и может, что жаловаться на несправедливости жизни.

Будучи безжалостно самокритичной, я признаю, что при-

мыкаю ко второй категории. Я не жалуясь и четко осознаю границы своих возможностей. Думаю, что даже прыгнула выше головы, решившись махнуть в столицу из своей северной глубинки. Наверное, не будь я до жути принципиальной в некоторых вопросах, то сейчас находилась бы по ту сторону этой машины, попивая чашечку кофе на веранде гигантского дома и размышляя, на что потратить очередной миллион.

Если бы я была такой же, как моя сестра...

Как же долго я запрещала себе вспоминать о ней.

Инстинктивно притягиваю Маньку ближе, буквально норовя срастись с ней в единое целое, словно в любой момент страшный монстр вырвет автомобильную дверь и отнимет ее у меня.

Она моя. Только моя.

Наконец, водитель тормозит авто перед особняком, размерами превосходящим те, что встречались на пути сюда. На мой пролетарский взгляд, это самый настоящий замок. Готический, грандиозный домина сложного силуэта, декорированный лепниной, балюстрадами и пилястрами.

Надеюсь, моим боссом будет не какой-нибудь граф дракула.

Господин Гривас вскользь выразился о владельце особняка, обозначив его человеком крайне занятым и немногословным, а так же заверил, что мы очень редко будем с ним пересекаться. Идеальные условия, как по мне.

Залюбовавшись величественным архитектурным постро-

ением, я теряю бдительность и упускаю из виду выросшую рядом с автомобилем мощную рослую фигуру. Задняя дверь с Манькиной стороны распаивается, в салон бурливым потоком врывается незнакомая речь. Скорость произношения слов пугает, как и грозность, басовитость голоса.

Нам с дочкой не пошевелиться, ни пикнуть от шока. Груда мышц, брутальности и харизмы, утрамбованная в костюм, плюхается на сидения, держа у уха новороченный гаджет.

— Что за... — обладатель густой копны смолянистых волос обнаруживает нас, резко повернув голову вправо.

Я чувствую, как Машка вздрагивает в моих объятиях.

— Кто вы, на хрен, такие? — цедит бородатый брюнет, впечатав в меня испепеляющий взгляд.

— Ой... — как-то нехорошо всхлипывает Манюня.

Я прикладываю все усилие воли, чтобы перенаправить внимание от жаждущих кровожадной расправы над нами очей к дочке и замечаю расплывающееся сырое пятно на ее светлых штанишках.

Ох, нет, моя милая... только не это!

От концентрации едкости в машине слезятся глаза. Комфортабельный салон с отделкой из дорогой бежевой кожи и темного дерева будто бы уменьшается в размерах. Иллюзорно сузившееся пространство давит на ребра, выталкивая последний воздух из легких.

— Кто, спрашиваю, вы такие? — глас мужика, севшего в авто, напоминает раскат грома.

Машка опять дрожит, жметесь, как котеночек, ко мне.

— Мы... будем здесь жить, — наконец, я отвечаю.

«И работать» не успеваю добавить. Бородач что-то гаркает своему телефонному собеседнику и убирает смарт в передний карман брюк.

Нужно по-быстрому выйти, переодеть Манюню... боюсь представить, во сколько мне обойдется химчистка сидений. Черт.

— А теперь подробнее, — от его взыскательного тона у меня сосет под ложечкой.

— А вы... кто? — осмеливаюсь проигнорировать вопрос и задать свой.

Брюнет вскидывает брови, выражение лица у него такое, словно он спрашивает себя, не послышалось ли ему.

— Это мой дом. Моя машина. И я не помню, чтобы приглашал кого-то на свою территорию с условием длительного проживания. Спрошу в последний раз. Откуда вы взялись?

Желание как-либо перечить этому суровому мужику напроць отпадает.

— Дедуля... господин Гривас предложил жилье и работу, — как миленькая «рожаю» молниеносный ответ. Судя по неменяющейся недоумевающей мине, он впервые об этом слышит. — Он сказал, что в ваш дом требуется прислуга.

— Этот старик... — вздыхая, рычит начальник. Фактически еще, конечно, он не мой босс, но, невзирая на абсурдное знакомство, я все же надеюсь, что меня не лишат шанса по-

работать в этом гигантском доме. — Принимает решения, не советуясь со мной, — понятия не имею, к кому этот человек обращается, но явно не ко мне. Однако вмешиваться в чужой ворчливый монолог совсем не хочется. Неприятностей мне хватает с лихвой.

– Простите, мы не собирались доставлять вам неудобства.

– Чем здесь пахнет? — брюнет кривится, пригнувшись к усиливающемуся специфическому запаху. Одной рукой стискивая Машкины плечики, другой я берусь нащупывать дверную ручку. — Девчонка обмочилась? — с шипением выплевывает догадку и резко отстраняется от нас. Манюня тоже его пугается и тянется ко мне, чтобы обвить ручками мою шею. — Дьявол! — всплескивает тяжелой рукой, он открывает со своей стороны автомобильную дверь и со скоростью торпеды выскакивает наружу.

Взрослый — на вид около тридцати лет — и огромный дядька, что едва в машину помещается, а реагирует так, словно никогда не имел дело с маленькими детьми.

– Пойдем, милая.

– Я его боюсь, мамочка, — тихонечко говорит дочка.

И я.

Манюня виснет на мне, как обезьянка, и мы покидаем салон авто вслед за распахнувшимся брюнетом. Он шагает туда-сюда, уже успел стащить со своих покатых плеч пиджак — чистый, между прочим, — и швырнуть его на землю. Надеюсь, не собирается проделывать аналогичное с рубашкой

и брюками. Он мизофоб, что ли?

— Подготовь мне другую машину, — отдает приказ водителю и размашистым шагом направляется к широкой лестнице. Затем тормозит и разворачивается в нашу сторону. — Убирайтесь с глаз моих долой.

Он прогоняет нас?

— Куда мы пойдём?

— Не моя забота, — хозяин роскошного особняка встряхивает крепкой кистью, упирая насупленный взор в циферблат наручных часов. — Опаздываю... чтоб тебя, дамочка.

Ненавижу кого-либо о чем-либо просить, но сейчас деваться некуда.

— Пожалуйста, не прогоняйте. Нам некуда идти.

— Не моя забота, — взбешенный великан чеканит повторение своих прежних слов. — Договаривалась со стариком, вот и разбирайся с ним. Я в этом никакого участия не принимал и не давал согласия на то, чтобы впустить вас с девочкой в свой дом.

— Но...

— Господин Каррас, — импозантный дедушка в темном костюме-тройке в крупную серую клетку появляется на просторном крыльце дома. Опираясь на трость, он неторопливо минует ступени, спускаясь к нам. — Будьте снисходительнее к нашим гостям.

— С чего бы? — бубнит бородач, сторбив античные плечи и поправляя нарядные запонки. — Из-за них у меня сделка

на тридцать миллионов срывается.

Седовласый мужчина почтительно улыбается ему.

– Вы достаточно влиятельны, чтобы отложить деловую встречу, скажем, на час.

– Знаешь же, Кирьян, что я не приемлю опозданий и сам никогда не опаздываю. Так почему я должен делать исключение ради двух незнакомок, одна из которых обгад... — откашливается, мрачно взглянув на Машку, — испачкала салон машины?

Старичок вопросительно смотрит на нас. Я шевелю губами: «Простите, так вышло»...

– И ты не предупреждал меня о том, что планируешь пополнить штат персонала, — злобный коршун набрасывается с обвинениями на пожилого человека. — В этом нет нужды. В доме полно прислуги. Я бы даже уволил нескольких. И уж точно не стал бы никого нанимать.

– Наверное, вы запомнили, господин Каррас, как мы накануне обсуждали приезд Веры и ее замечательной малышки, — невозмутимо высказывается дедушка Гривас, встав перед этим взрывным богачом в расслабленную осанистую позу. Элегантен до мозга гостей.

– Не было такого.

– Разговор был, господин Каррас.

Владелец современного замка дракулы хмурит прямые густые брови угольно-черного оттенка сильнее и продолжает настаивать на своей точке зрения.

– Не было. Тебе следует съездить в больницу и проверить здоровье. Память, кажется, начинает подводить.

– Мне семьдесят пять лет, — с гордо поднятым подбородком провозглашает дедушка. — И у меня совершенная память. Кому, как не вашей семье об этом известно, мой дорогой Александр. Я служу вам и вашим родителям всю свою жизнь и ни разу не...

– Ладно, ладно, — прерывает его брюнет взмахом оттопыренной ладони. — Не начинай только. Может, ты прав, я заработался и забыл о нашей беседе. Тем не менее, сейчас я говорю «нет».

Как легко переобулся!

– Проявите снисходительность, — мягко просит дедушка Гривас. — Этой милой женщине и ее дочке совсем некуда идти.

– Я не занимаюсь мелкой благотворительностью, Кирьян.

– Прошу вас. Ради меня. Позвольте им остаться.

Бородач кривит лицо от неспособности возразить ему. Жаль, что под рукой нет телефона, я бы с радостью запечатлела незабываемую физиономию Александра Карраса, будто его вынудили целиком проглотить лимон и медленно прожевать.

– Советую держать подальше свою мелюзгу, — сдавшись в итоге, с откровенным недовольством Александр адресует мне брюзжание.

«С радостью буду обходить вашу тень за километр», —

фыркаю мысленно, глядя вслед отдаляющемуся угрюмому буржую.

Глава 3

ВЕРА

— Добро пожаловать, милая.

Дедушка Гривас распахивает двустворчатую входную дверь флигеля и по-джентльменски отходит в сторонку, чтобы пропустить нас с Манькой внутрь первыми. Я переминаюсь с ноги на ногу от волнения и нерешительно перешагиваю порог. Вслед за нами промелькивает высокая мужская фигура в темном костюме. Он навьючен нашими сумками и оставляет их в светлой гостиной, после чего так же незаметно ретируется.

— Дом скромный, но очень комфортабельный. Здесь вас никто не побеспокоит, — завещает пожилой мужчина. — Располагайтесь, осматривайтесь, отдыхайте.

Я предполагала, что мне и Машке выделят небольшую спальню. И этому была бы несказанно рада, честно. Чем мы заслужили такие хоромы? Нам выделили целую виллу!

Хочется протереть глаза и ущипнуть себя, ведь это похоже на волшебный сон. Я не знакома с роскошью, но знаю, что такие подарки судьбы имеет цену. Какой будет моя расплата за столь радушный прием?

Я поворачиваюсь к господину Гривасу и от переизбытка признательности теряю дар речи.

— Не стоит, — предугадывая мое стремление осыпать его бесконечным потоком благодарностей, произносит дедушка. — Уборная находится в конце коридора, — деликатно подсказывает мне. — Вторая дверь слева.

Я киваю, бегло улыбаюсь ему и тяну Машуню в указанном направлении. Несколько минут у меня уходит на то, чтобы разобраться с регулировкой подачи воды в душе. Методом угадывания, нажимаю все кнопки подряд и завершаю знакомство с сенсорным механизмом нервным смехом. Еще дочку помыть не успела, а уже умудрилась промокнуть до нитки сама.

— Весело тебе, хохотушка? — тяну Манюню за кончик носа.

Моя голубоглазка, уморившись от вида намокшей мамы, начинает плескаться теплой водой.

— Ладно-ладно, — отворачиваясь от брызг, я выставляю перед собой руки в знаке капитуляции. — Ты выиграла. Манька, прекращай давай!

В одноэтажном флигеле мы осваиваемся без неурядиц, что даже слегка напрягает, ведь последние события хронически сопровождалась ими. Выработанное автоматическое ожидание подвоха притупляется благоприятной обстановкой и позитивными перспективами. Я наконец-то разрешаю

себе поверить, что черная полоса пройдена, и все у нас с дочкой начнет складываться, как надо.

Манюня в восторге от нашего нового дома. И, чего греха таить, я тоже. Скромная, по мнению дедули, пристройка — лучшее место, где мне когда-либо доводилось бывать. Дорогостоящий ремонт с нежными тонами в интерьере, оборудованная по последнему слову техники кухня, большие окна смотрят на сад и главный особняк. Пара спальных комнат, одна из которых снабжена милой детской кроватью, плюшевыми игрушками и шикарным кукольным домиком. Для Машки. А в своей комнате я нахожу несколько сменных комплектов рабочей формы необходимого размера XS (природа роскошными формами не наградила) и небольшой буклетик со сводом обязанностей и правил. Перед сном все обязательно прочту.

Со скудным багажом мы разделяемся на раз-два, вечером готовим вместе ужин. К нашему приезду холодильные и морозильные отсеки капитально забили свежими овощами и фруктами, мясом, морепродуктами и зеленью. А после Машка уводит меня от мытья горы грязной посуды в гостиную, усаживает на диван и заставляет смотреть с ней диснеевский мультфильм. Ее энтузиазма едва ли хватает до середины морских приключений Моаны и Мауи, но я же ответственная мама — досматриваю до титров, а после отношу Манюню в детскую.

– Мам, Дуню дай, — сквозь дремоту бормочет моя ма-

лышка и, не открывая глаз, тянет вверх ручонки.

Я вынимаю из ее рюкзака потрепанного сиреневого единорога с криво пришитым радужным рогом и вкладываю в объятия дочери. Она прижимает к себе игрушку крепко-крепко и мигом успокаивается. На какое-то время я выпадаю из реальности, замерев у ее кровати. Аккуратно убираю с ангельского пухлощекоего лица золотистые прядки, не в состоянии налюбоваться Машкой.

Приглушенный стук в дверь отвлекает меня от созерцания ее мирного сна, и я на носочках крадусь в гостиную. Стиснув зубы, я впиваюсь пальцами в изогнутую дверную ручку, потому что единственным желанием при виде неожиданного гостя является заставить его и дальше топтаться на крыльце.

Но это развитие событий я, разумеется, исключаю.

Потому что мой гость — владелец этого флигеля и особняка по соседству.

Не смотря на возникший конфликт при нашей недавней встрече, сейчас привлекательный мужчина не пытается демонстрировать всем своим чинным видом, будто намерен стереть меня с лица земли. Напротив, он даже соизволил приподнять краешек рта в подобии улыбки.

А еще пришел не с пустыми руками. От миниатюрной коробочки, повязанной джутовой веревочкой, исходит приятный аромат теплой выпечки. Презент выглядит нелепо на фоне исполинских габаритов мужчины.

– Пригласите войти? — мистер Безукоризненность вежливо спрашивает разрешения.

Оно ему не нужно, ведь не он здесь на птичьих правах, а я.

– Конечно, — плотнее стиснув зубы и выдавив деликатные ответ, я освобождаю место для здоровяка и закрываю за ним входную дверь.

Еще несколько часов назад бичевал нас с Машкой, а теперь пытается загладить вину? Неужели испытал укор совести? Сам же велел держаться подальше. За два года работы в ресторане я часто сталкивалась с богачами, и им разные причуды в головы взбрели. Но никогда они не растрчивались на доброжелательность к «жалким нищелюдам» из обслуживающего персонала вроде меня. Они нас за людей не считают, вот в чем истина.

– Мы с вами неудачно начали, — по-хозяйски расхаживая и осматриваясь, высказывается Александр.

Я без особого доверия пялюсь на его богатырскую спину и скрещиваю перед собой руки, подсознательно желая максимально отгородиться от присутствия постороннего мужчины.

– Я прошу прощения за то, что вспылал днем, — безучастно роняет он, заострив внимание на фотографии в рамке, которую я привезла с собой и повесила на стену. На изображении я и Маша, фоткал нас Сережа. Помню прошлогодний летний день, как будто это было вчера. Единственный раз в жизни мы выбрались на пикник в живописный запо-

ведник в Подмосковье. — Вы замужем?

— Нет. Я не замужем.

Александр кивает.

— Воспитываете дочь одна, значит?

Ладно. Я привыкла к некорректным вопросам. Каждый второй клиент считает своим долгом выпытать из официантки подробности ее личной жизни. Они называют это дружеской беседой или безобидным флиртом, а я — отсутствием воспитания.

— Одна, — подтверждаю скупое.

— Должно быть, это нелегко.

— Мне не на что жаловаться.

Он здесь за тем, чтобы устроить допрос с пристрастием? Любопытно, с каждой ли потенциальной служанкой бизнесмен проводит персональное собеседование? Всю необходимую информацию я накануне заполнила в анкетном виде и передала господину Гривасу.

— Девочка, по всей видимости, переняла черты своего отца.

Я моментально цепенею после того, как он непринужденным тоном роняет рассуждение о нашей с Машей внешней непохожести. К счастью, брюнет по-прежнему показывает мне свой темный коротко стриженный затылок и не может наблюдать моей скованной позы.

— Скажите, если мои вопросы вас смущают, Вера, — делает одолжение Александр, прогуливаясь с соединенными за

спиной руками по гостинной. Не помню, чтобы называла ему свое имя. Значит, прочел мою анкету, ну или дедуля напомнил. — Порой я забываюсь и проявляю настырность.

Да, я заметила.

Не знаю, как так обернулась, что теперь укол вины чувствую я за свои отнюдь не ласковые мысли о нем. Кажется, будто его намерение сгладить угол конфликта искреннее, так что мне следует спрятать шипы и пойти навстречу.

— Все в порядке. Это ведь ваш дом, — я натужно улыбаюсь боссу. — Вы устанавливаете правила.

Александр благосклонно улыбается.

— Благодарю за понимание.

Он оставляет наверняка вкусный презент на журнальном столике и направляется в мою сторону. Вернее, в сторону выхода.

— Доброй ночи, Вера.

Я провожаю его за дверь.

— И вам доброй ночи, Александр... э-э... — рассеянно протягиваю, со стыдом осознавая, что не знаю полного имени человека, во владениях которого отныне проживаю. — Господин Каррас.

— Просто Александр, — настаивает он.

Слава богу, в его планы не входит и дальше вгонять меня в ступор своим присутствием и внезапным приступом обходительности. Переменчивое поведение определенно сбивает с толку, однако окунаться в потемки чужого разума я не со-

бираюсь.

Своих демонов предостаточно. Они оглушительно громкие и не дают мне покоя.

Глава 4

ВЕРА

Манюня с удовольствием уплетает пирог с инжиром и миндалем, который накануне вечером подарил господин Каррас. Наш первый завтрак в новом доме очень сытный и вкусный.

– Мамочка, еще хочу, — Машка допивает какао и протягивает мне кружку.

– Не лопнешь?

– Не-а.

– Точно?

– Точно!

Я и себе завариваю сладкий напиток после того, как залпом осушила чашечку быстрорастворимого кофе — дешевого, в пакетике, из супермаркета, который выудила у себя из кармана джинсов, прежде чем забросить их в стирку. Уже и не помню своей жизни без этого заурядного способа начать день. Только занявшись приготовлением какао, обнаруживаю здоровенную банку бельгийского зернового кофе на одной полке с различными специями. Здесь и кофеварка рожковая имеется с кофемолкой. Я в раю.

А какао вправду потрясающее на вкус. Даже в ресторане, где я работала, ничего подобного не водится, тем не менее,

ассортимент старательно нахваливается. Людям что угодно заливают в уши ради того, чтобы вытащить из их кошельков побольше денег.

– Я буду весь день одна, мамуля? — грустно спрашивает Машенька, подперев щечки кулаками.

Я не в восторге от этой перспективы, но в моем распоряжении нет избытка вариантов, куда бы пристроить маленькую дочь. В течение дня я разузнаю о местных садиках и попробую договориться о том, чтобы Машу куда-нибудь взяли. Предвкушаю, что это удовольствие будет не из дешевых.

– Прости, зайчонок. Это ненадолго.

Я бы с радостью задержалась с ней подольше, а в идеале вообще не отходила бы ни на шаг, однако время неумолимо близится к семи. Мне пора выдвигаться. Мы перемещаемся с Манькой в гостиную, я объясняю ей, как обращаться с пультом от телевизора, только ей это и не нужно, оказывается. К моему удивлению, Маша успела освоиться в гостиной зоне, пока я принимала утренний душ, и самостоятельно переключает на канал с мультфильмами.

Может, прозвучит странно, но я спокойна за нее. Несмотря на юный возраст, моя Манюня смышленная девочка. К тому же я буду совсем близко, в соседнем доме, если понадобится. Надеюсь, мне удастся в течение дня заглядывать сюда, чтобы проведывать ее.

– Все, я пошла, — напоследок чмокаю Маньку в макушку. Она вяло машет мне и что-то мямлит в ответ. Все ее вни-

мание сосредоточено на «Гравити Фолз».

– Не поцелуешь маму на прощание?

Голубоглазка хмурится и мотает головой, мол: «Не мешай».

Я смеюсь, шутливо кусаю ее за шею и шагаю к настенному зеркалу в прихожей, чтобы проверить, как на мне сидит рабочая форма. Отутюженные черные брюки слегка жмут в бедрах. Похоже, я набрала пару кило за последнее время. Тому виной бесконечные перекусы всухомятку на бывшей работе и отсутствие полноценных приемов пищи. Застегиваю последнюю пуговицу на темно-красной рубашке, поправляю острые углы воротника и пробую улыбнуться отражению.

Мою практику прерывает появление дедушки Гриваса на крыльце флигеля. Я замечаю его в узком окне и не могу не отметить, в какой потрясный костюм-тройку он облачен.

– Желтый вам к лицу, — я приветствую его, и мне больше не приходится изображать улыбку, потому что уголки губ сами собой ползут вверх от одного только солнечного вида нашего с Машкой спасителя.

– Благодарю, милая, — опираясь двумя руками о трость, господин Гривас склоняет голову в знак признательности. — Как спалось?

– Отлично. Спасибо.

– Я очень рад видеть вас отдохнувшей, Вера.

Я смущенно заправляю за ухо прядку волос.

– Не без вашей помощи.

– Пройдетесь со мной? — дедушка, обнажив ряд белоснежных виниров, подставляет мне локоть. — Заодно покажу и расскажу вам о том, как здесь все устроено.

– С радостью.

Я кричу Маше, что ухожу, закрываю входную дверь и просовываю руку под локоть. Пожилой мужчина достаточно бодрым шагом шествует в сторону сада, непринужденно беседуя о благоухающих в его пределах цветах и растениях. Проходим мимо садовника, мужчины средних лет, подравнивающего пышные кусты голубых гортензий. Встречаем по пути другую прислугу из особняка, они бросают в нашу сторону недоумевающие взгляды. Я восхищена аллеей разноцветных гибискусов и из любопытства вытягиваю шею, пытаясь разглядеть содержимое экзотического оазиса в оранжерее.

– Там цветет олеандр, — подсказывает господин Гривас. — Знаете об этом растении? Он очень ядовит и прихотлив к здешнему климату, поэтому нуждается в особом уходе. По одной из легенд в древние времена на Средиземноморье проснулся вулкан. Притесняемые лавиной из камней и раскаленной лавой, люди бросились бежать в поисках спасения к озеру, но оно было столь необъятно, что никто бы не сумел переплыть его. И тогда им на помощь явился сын Богов по имени Олеандр. Он осушил озеро и спас людей, однако сам отяжелел от воды и не смог сдвинуться с места. Олеандр погиб, а в его честь прозвали расцветший на берегу красивый

кустарник.

– Занимательная... сказка.

Дедуля смеется.

– Вы в них не верите?

Его вопрос остается без ответа, потому что мы проникаем в особняк через парадный вход, и у меня мысли разбредают в разные стороны. Надеюсь, это не войдет в привычку — от изумления терять способность говорить и думать сфокусировано. Все внутри выглядит роскошным и баснословно дорогим, сверкая от чистоты, что даже дышать боязно. Молоденькая девушка, одетая в форму, как у меня, совершенно не обращает на нас внимания, усердно протирая позолоченные перила. Наверх из холла ведет широкая изогнутая лестница с мраморными ступенями.

Господин Гривас, подробно разъясняя расположение помещений и комнат на первом этаже, провожает меня на кухню.

– Я познакомлю вас с Мартой. Сегодня, Вера, вы поработаете под ее руководством. Не пугайтесь ее черствости: она со всеми такая.

Мы прокладываем путь через обеденную зону королевских размеров. Вокруг длинного стола кружат еще домработницы, расставляя посуду... море посуды на одну персону. По всей видимости, для хозяина особняка.

На кухне работают два повара — худой высокий мужчина и отчитывающая его полная женщина, Марта. Она не тратит

драгоценные минуты на знакомство, спрашивает, умею ли я разделывать рыбу, и после положительного ответа вручает мне в руку обвалочный нож. Краем уха слышу, что их помощник заболел ротавирусной инфекцией и был вынужден взять больничный, поэтому они не справляются и запаздывают с подачей завтрака для главы дома.

Нам удастся неплохо сработаться, мы много действуем и мало болтаем, поэтому к моменту появления Александра Карраса в столовой все готово к подаче и употреблению. Я вместе с остальными служанками выстраиваюсь в ряд. Головы моих коллег немного наклонены вперед, а взоры устремлены строго в пол, словно, если они взглянут на него хотя бы на мгновение, то их тут же пронзит ударом молнии. Нам запрещено смотреть на господина Карраса? Что ж, не больно хочется.

Мы остаемся в столовой на случай, если понадобится что-то принести или унести. Хозяин дома не расстается с телефоном, садясь во главе стола. Безучастно берет вилку иковыряется в салате с морепродуктами, но так и не подносит еду ко рту. Мы ему тоже безразличны, словно являемся частью интерьера, и не более.

— Кофе, — коротко требует брюнет, вальяжно рассевшись на стуле.

Из строя выступает одна из служанок, семенит к столу и наливает из кофейника напиток. Блюдце и чашечка в ее руке трясутся. Она волнуется, подавая кофе господину Каррасу.

— Горько, — кривится мужчина, резко отодвигая от себя посуду. — Переделай.

Домработница, вжав голову в плечи, забирает кофейник и мчится на кухню.

Ведет себя, как козел. К счастью, у меня за плечами два года опыта работа с такими индивидуумами и большой запас терпения.

Однако странно, что вчера этот человек сам пришел ко мне, чтобы извиниться за грубое поведение. У него явно отсутствует эмоциональное равновесие. Биполярное расстройство? Ну... или имеется вежливый двойник.

День пролетает со скоростью света. Мне это лишь на руку. Такой нагруженный, но не изнуряющий ритм работы приходится по душе, и я буду счастлива, если мое пребывание здесь продолжится в том же духе. Стану неприметной мышкой, если так угодно, лишь бы не попадаться в поле обзора жеманного кота.

Третьи сутки адаптации отличаются насыщенным графиком, мои обязанности по дому выходят за границы кухонных плит и мойки посуды. Я в компании других домработниц отправляюсь в хозяйский спортивный комплекс со СПА и бассейном. Еще на территории особняка расположена банная пристройка, чайный домик, где так же предстоит провести уборку.

Поначалу мои коллеги держат языки за зубами, пока одна из них, на вид еще студентка, не принимается перетирать

свежие сплетни. Другая девушка, примерно моего возраста, неохотно вливается в оживленный разговор. Третья, нередко на меня поглядывая, предпочитает придерживаться роли второстепенного слушателя. Я стараюсь игнорировать ее чрезмерное внимание к своей персоне и максимально фиксируюсь на том, чтобы качественно оттереть грязные пятна с кафельной плитки.

Первая ораторствует, без зазрения совести судача о бизнесмене и о том, какой он невероятный мужчина, завидный жених и бла бла бла. Вторая ее перебивает, напоминая, что господин Каррас не свободен. Первая, фыркая, убежденно парирует:

– Пока на пальце этой расфуфыренной выскочки нет кольца, она ему — никто. Так что технически этого породистого жеребца еще не оседлали.

Фу. Ну и аллегория.

– Юлька, губу закатай, — со скучающим вздохом отзывается третья, до этого молчавшая, как рыба. — Где ты, а где он...

Вторая, поддакивая, прыскает со смеха.

– Точно-точно.

– Александр — важный человек, как-никак, греческий миллиардер, — вторая безжалостно продолжает осаждать влажные грезы первой. Ого. Даже миллиардер. — И вообще: надо оно тебе? Геморрой сплошной. Будет налево ходить, а чуть что не понравится — выставит с голой задницей на ули-

цу, ты глазом моргнуть не успеешь.

— Так и нынешняя его не из фарфора и золота сделана. Так, паль, — высокомерно ведет плечом студентка, яростно пшикая из пульверизатора жидкость для мытья стекол на вязкую тряпку. — Косит под светскую лань, а на деле ей самое место в подворотне, откуда она и выбралась. Но чего ей не занимать, так это везения. Дворовой собачонке удалось отхватить себе такой сочный кусок мраморного мяса.

— Ты бы хоть иногда фильтровала, что говоришь, Юлька, — порицательно качая головой, подытоживает третья с длинными темными волосами. И я опять замечаю, как ее зеленые глаза находят мои. Служанка молниеносно отводит взгляд и чуть краснеет от того, что я подловила ее за подглядыванием.

Она так намекнула на то, что я могу все разболтать? Ага. Бегу и спотыкаюсь. Делать мне больше нечего — сплю и вижу, как бы доносить на кого-то. Мне плевать с высокой колокольни, кому они перебивают кости. Меня не трогают, и ладно.

Хотя темненькая права. Не зря существует поговорка: «язык мой — враг мой». Неосторожно брошенное слово — потенциальный нож, который вонзят тебе в спину при любом удобном случае. Со стороны этой совсем еще юной девушки опрометчиво разорваться на подобного рода откровения.

Сплетни о господине Каррасе объявляются закрытыми, и болтовня перетекает в жалобы на пропускную систему. Чле-

нов нанятого персонала каждое утро привозят к особняку на автобусе. Перед входом они обязуются проходить через металлодетектор, показывать содержимое сумок, карманов на одежде, и оставлять мобильники в специальном сейфе... Ведется тотальный контроль, короче говоря.

Разумеется, *ну разумеется*, самой вертлявой и ядовитой из троицы становится любопытно, почему я избежала адской участи и живу себе припеваючи во флигеле. Что я могу сказать? Мне подфартило, как никогда до этого не везло. Я встретила замечательного человека, который избавил меня от головной боли. За какие подвиги в прошлой жизни я удостоилась доброты дедули? Без малейшего понятия. В общем, ничего конкретного из меня вытянуть не удалось.

Закончив с наведением порядка в тренажерном зале, я возвращаюсь в особняк, чтобы вернуть атрибутику для уборки в служебную кладовку. На выходе сталкиваюсь нос к носу с той самой неумной девицей.

– Э-эм, послушай, — постукивая указательным пальцем по подбородку, задумчиво она закатывает глаза, словно пытается что-то вспомнить. — Вера, да? — ах, мое имя. — Тебя руководство просило подняться, — тычет тем же пальцем в потолок. — У них там что-то важное к тебе.

Наверное, завершить процесс подписания трудового договора.

– Хорошо. Спасибо.

– Всегда пожалуйста, — девушка присаживается в шутли-

вом реверансе.

Не предвещая подвоха, я поднимаюсь по лестнице и, уже добравшись до второго этажа, вспоминаю: я не уточнила, куда именно мне шагать. Все-таки за сегодняшний день переутомилась, и немного рассеяна. Застываю столбом у истока коридорной развилки, недоумевая, в каком направлении держать курс.

Предусмотрительно оглядываясь, я решаю двигаться вправо. Осматриваюсь. Стены отделаны деревом с резьбой, инкрустацией и декорированы картинами. Широкий проход ярко освещен, а от наличия встречающихся по пути дверей рябит в глазах. В какую из них прикажете стучаться?

Мысленно перекрестившись, стучусь в одну. Затем в следующую. Нет ответа.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я принимаю здоровое решение спуститься вниз.

– Кто разрешил тебе находиться здесь?

Знакомое громыхание раздается за спиной. Я вытягиваюсь по струнке от шока, как будто меня застигли врасплох за коварным преступлением. На свой страх и риск очень медленно оборачиваюсь и упираюсь оцепенелым взглядом в богатыря с роскошной черноволосой гривой.

Породистый жеребец смеряет меня гневным взглядом, запустив ладони в передние карманы брюк.

У меня назревает логический встречный вопрос.

– Разве это запрещено? Прощу прощения, я не знала.

— Ты здесь работаешь. Ты *обязана*, — подчеркивает рыком, — знать, куда не следует соваться. Прислуга не имеет права подниматься на второй этаж без моего разрешения.

Неужели девчонка затеяла для меня подставу? Ну а я повелась, как наивная дура. Впредь буду осмотрительнее.

Отвлечшись от его впечатляющей мускулатуры, сокрытой под белоснежной тканью, я подмечаю внешнюю небрежность хозяина особняка. Нижний уголок рубашки торчит, ширинка не до конца застегнута, да и верхние пуговицы растегнуты. Мои скудные дедуктивные способности подсказывают, что господин Каррас был не один. Вероятно, расслаблялся в компании своей избранницы, о которой мерзавка, подставившая меня, нелестно отзывалась.

— Ты здесь новенькая и дважды умудрилась облажаться, — брюнет смотрит на меня из-под надвинутых бровей совсем не добрым взглядом. Дважды? Я думала, мы разобрались со случаем в машине. — Учти. Третьего раза я не потерплю, и старик тебе не поможет.

— Приношу свои извинения, — чеканю я, без потери достоинства выдерживая напор его обжигающих раздражением темных глаз.

Гавнюк он все-таки, а я так нахваливала его пирог... в мыслях, естественно.

— Сладенький, с кем ты опять ругаешься? — звучит женское хныканье.

— Ни с кем, — едва шевелит напряженным ртом Алек-

сандр.

— Тогда возвращайся ко мне, — елеино мурлыча, его подруга выставляет вперед руки, демонстрируя изящные запястья с увесистыми золотыми украшениями на них. Властно схватив брюнета за ворот, женщина утягивает господина Карраса в комнату.

Я вздрагиваю, когда за ними громко захлопывается дверь.

Родинка...

На ее предплечье родимое пятно в форме звезды.

Или мне почудилось?

Я жмурюсь, сжимая пальцами переносицу.

— Ты переутомилась, Вера, — утешаю себя, однако голос предательски сипит. — Просто переутомилась и видишь всякое.

У Златы, моей сбежавшей младшей сестры, точно такая же родинка.

Глава 5

ВЕРА

Ну и какого лешего я маюсь ерундой?

Второй час ночи. Вместо того чтобы крепко обнимать подушку и пускать слюнку, видя сладкий сон, я плююсь в экран телефона. Потирая уставшие глаза, дочитываю двадцать какую-то по счету статью о цинике Александре Каррасе.

Он, кстати, грек только по материнской линии. Его отец был бизнесменом родом из России, и во время деловой поездки в Афины встретил Эвджению Каррас — наследницу крупного автоконцерна. Как гласят развлекательно-новостные порталы, они сыграли свадьбу через месяц после знакомства и сразу же объявили о слиянии компаний. Отец Александра, стоявший во главе семейного бизнеса, скончался десять лет назад. Бразды правления взяла его мать. Некоторые источники называют бизнесменшу деспотичной и властной. *«Женщина-атлант, взвалившая на свои плечи непосильную ношу...»*. Тем не менее, именно Эвджения добилась рекордной прибыли для корпорации, и последние пять лет «GOQ Group» признается крупнейшей в Европе с миллиардными оборотами. Госпожа Каррас по сей день занимает пост генерального директора и владеет контрольным пакетом акцией, что делает ее самой богатой женщиной по

версии журнала «Forbs».

Ничего, кроме восхищения, история матери Александра у меня не вызывает. Недостигаемая богиня с колоссальными амбициями. Жаль, что мое уважение не распространяется на ее сына, рожденного с платиновой ложкой во рту. Он работает на Эвджению и готовится в будущем занять ее пост.

Я зеваю в ладонь, закрываю вкладки в браузере и откладываю телефон. Перекладываюсь на бок, снова берусь за мобильник, чтобы проверить, не забыла ли поставить будильник, взбиваю подушку и настраиваюсь на сон. Не идет. В голову лезет назойливое чувство, что я полная неудачница и за свои двадцать семь ни черта не добилась. Ни квартиры, ни машины, ни стабильной работы. Я плыву по течению и изо всех сил пытаюсь не утонуть.

Я хочу, чтобы дочка мною гордилась.

И хочу гордиться собой.

Может, еще не поздно твердо встать на ноги?

Я жалею о времени, потраченном на веру в другого человека, а не в собственные силы. Когда Сережка забрал меня в Москву, он обещал нам с Манькой весь мир. О пустозвонстве я прочуяла не сразу, и это стало моей роковой ошибкой. Я его не виню. Нет, виню, но по большей части себя за отказ вовремя вытащить вату из ушей и снять с глаз розовые очки.

— Да что б тебя, Вера, — со вздохом я переворачиваюсь на спину и раздраженно смотрю в белый потолок.

Сбрасываю с ног одеяло и поверх растянутой футболки

для сна надеваю старую рубашку. Прогуляюсь немного. Заглядываю в комнату к Машке, затем выхожу на крыльцо. В этом месте словно звезды светят ярче. Бриллиантовой крошкой усыпано бездонное небо.

— Ах! — восклицаю я, заметив падающую.

Доля секунды — и метеор растворяется в ночи.

Огорченно притоптываю ногой. Я не успела загадать желание.

А что бы загадала, если бы была уверена, что сгорание случайного космического тела поспособствовало бы этому?

Миллиард? Крепкое здоровье для себя и Машки? Машину времени, чтобы вернуться на пять лет назад и не дать младшей сестре трусливо сбежать? Я скучаю по этой дурынде. Где она? В порядке ли? Счастлива ли? Сожалеет ли о том, что бросила Машу?

Злата — ее родная мать, но Манюня этого не знает. Зовет мамой меня.

Сестра забеременела в восемнадцать, родила и, испугавшись ответственности, дала деру. Бесследно пропала, оборвав все контакты. Вычеркнула нас из своей жизни. Ее друзья говорили, что вроде как уехала в Москву. Родной отец Машеньки — человек без лица и имени, некто в сером. Злата о нем никогда не рассказывала. Мы вообще с ней отделились после смерти родителей. С горем пополам я разрывалась между учебой и работой, заботясь о младшей сестре, но она этого не ценила, не помогала, все рвалась, наоборот, от

меня.

— Я задыхаюсь в этой помойке! Ты тянешь меня на дно! Я не могу дышать! Я ненавижу тебя! Я ненавижу этого ребенка! Вы меня душите, слышишь?! Ну, чего вылупилась? Проглотишь все и промолчишь, как обычно? Меня тошнит от того, что мы семья!..

Злата была права. Я все прожевала и проглотила, слова поперек не сказала. Только просила не делать глупостей, не рубить сгоряча. Не ради себя. Ради Машки. Малютка в тот вечер — вечер, когда Злата сбежала — надрывно плакала в колыбельной, но моей сестре было плевать. Эгоизм выжег в ней зачатки материнского инстинкта.

— Лучше бы аборт сделала... нет же, тебя послушала. Это ты виновата во всем. Вот куда я с ней? — лихорадочно заталкивая в дорожную сумку вещи из шкафа, истерично верещала Злата. — Кому я буду нужна с младенцем на руках?! Делай с ней, что хочешь. В детский дом сдай, или себе оставь. Мне плевать! Я ухожу. Я заживу счастливо, выбьюсь в люди.

Я лишь могла сдавленно просипеть:

— Не стыдно тебе?

— Ни капельки.

— Уходи, — показала сестре на дверь. — Но потом не

смей возвращаться.

С визгливым смехом Злата вытерла рукавом кофты слезы под глазами и пригладила волосы, стоя перед зеркалом. Показательно ухмыльнулась сквозь слезы и поймала в отражении мой стеклянный взгляд.

— Какого же ты обо мне мнения, сестренка? Я лучше содохну в канаве, чем вернусь сюда.

— Проваливай, — мой голос сорвался на шепот. — Проваливай, пока я сама тебя не прибила.

Подхватив сумку, Злата ушла...

Годы разлуки притупили разочарование в сестре и обиду на нее. Я просто хочу знать, что она жива и здорова. На большее не рассчитываю.

По телу проносится озноб, и я плотнее запахиваю флисовую рубашку. Надо возвращаться в постель.

Мой взгляд непроизвольно устремляется на мансардный этаж особняка, задерживается на единственном окне, в котором горит свет. Я останавливаюсь, чего-то жду... Но чего? Пустота в окне подстегивает интерес. Не могу избавиться от чувства, что кто-то вот-вот должен в нем промелькнуть.

Я резко глотаю воздух.

В желтом квадрате возникает фигура. Из-за внушительного расстояния нет возможности разглядеть ее детальнее. Черный силуэт сохраняет неподвижность, а в душе мне делается беспокойно, словно этот некто смотрит прямо на ме-

ня сквозь пелену ночи.

Дедушка Гривас может похвастаться невероятной коллекцией костюмов: смелых оттенков, классических, в клетку и в полоску, двубортными моделями, но главным доспехом этого истинного пожилого джентльмена является его благородство. Наш с Машенькой волшебный фей сотворил очередной подвиг.

— Вы... вы поразительны, Кирьян! — я бросаюсь господину Гривасу на шею и едва сдерживаюсь, чтобы случайно не задушить его в пламенных объятиях. Несколько минут назад он переступил порог флигеля и огорошил меня поразительным известием.

Благодаря связям ему удалось выбить для Манюни место в садике, располагающемся на территории элитного поселка. С завтрашнего дня мне больше не придется волноваться о том, что днем дочка останется без должного надзора. К тому же бывает, что я задерживаюсь в особняке и помимо этого срываюсь туда посреди ночи, чтобы устранить за хозяином дома следы его пребывания на первом этаже, либо в саду. Любитель распивать бренди со странной особенностью — не наполнять один стакан дважды, с каждой следующей порцией используя новый.

Дедушка пару раз хлопает меня по спине.

– Рад помочь, милая.

Не прекращая изумленно мотать головой, я возвращаю расстояние между нами.

– Извините, что накинулась. Просто... вы не представляете, как много для меня значит ваша поддержка.

– Ну перестаньте, Вера. Я не сделал ничего сверхъестественного.

Я мало знакома с бескорыстной человеческой добротой, поэтому даже если для него такие колоссально значимые поступки — сущие пустяки, я до последнего вздоха буду ценить оказываемую поддержку.

Когда в жизни встречаются люди вроде Кирьяна Гриваса, волей неволей хочется начать верить в чудеса, к ним легко и быстро привыкаешь, а когда наступает пора расставаться — тройне тяжелее отпустить.

Прекраснее начала дня не придумать. Мое настроение омрачит, разве что, преддверие Армагеддона. Либо же претенциозно-брезгливое выражение лица Александра Карраса собственной персоной. Он из кожи вон лезет, мимически выражая недовольство своим завтраком. Станиславский аплодировал бы стоя его актерской игре.

По несчастливому стечению обстоятельств я вновь очутилась с ним в одном помещении.

– Как можно было испортить такое элементарное блюдо, как яйца пашот? — его верхняя губа дергается, будто при неврозе. Вот бы сердечный приступ не настиг нашего дра-

жайшего хозяина.

Яйца готовила я. К этому привела незамысловатая цепочка событий, а все началось с того, что ротавирусная инфекция сразила и Марту. Повар, работающий с ней в тандеме, час назад заперся в уборной с внезапной болью в животе, а после его выпроводили за ворота, отправив на карантин во избежание распространения заразы

На время экстренных поисков достойной для его достопо-
чтенного греческого величества замены гастрономического
творца нужно было кого-то запрячь и приставить к плите. Опыт работы поваром у меня имеется, пусть это и не занесено в трудовую книжку. По первости в ресторане я несколько месяцев подрабатывала на кухне и набила руку, так сказать.

Поэтому, да. Завтраком для Александра занималась я. Не сказать, что это задание ввело меня в экстаз. Наоборот: я стояла у плиты с аналогичным выражением лица, что и у него сейчас.

Между прочим, на мои яйца еще никто не жаловался.

Господину Каррасу так же не нравится, как хрустит гренка, когда он пытается разрезать ее, держа в одной руке вилку, в другой нож. В конце концов, он бросает это дело, разгибая пальцы и бросая столовые приборы из серебра на стол. Морщит лоб и сдавливая переносицу, иллюстрируя полнейшее разочарование.

– Безобразие, — по сложившейся традиции брюнет отодвигает от себя тарелку и залпом осушает стакан воды, что-

то ворчливо бормоча об отсутствии Марты.

Да у него самое обыкновенное похмелье, а в таком состоянии даже еда, приготовленная профессионалами мишленовского уровня, будет отторгать одним только видом.

Уважаемому господину всего-то нужно меньше хлестать крепкие алкогольные напитки по ночам, чтобы вернуть способность наслаждаться вкусом качественных продуктов.

В обеденном зале царит гнетущая, почти бездыханная тишина. Елена Семеновна, работающая в его доме второй год, перемещается возле стола с фантастической беззвучностью, будто и не касается пола вовсе. С таким боссом не только летать научишься...

Не понимаю, зачем стольким домработницам здесь топтаться и глазеть на чью-то трапезу?

Александр встает со стула, придерживая бумажную салфетку у рта. Тщательно вытирается, словно чем-то испачкался, однако помимо бокала с водой так ничего и не подносит к губам. Я отклоняюсь от поведенческого канона и смотрю на него, а мои коллеги — на свои туфли. Все равно он не обращает на нас и толики внимания.

Упс.

Вяло мажет взором и заостряет концентрацию на моих глазах.

Черт, попалась!

Это будет считаться моим четвертым «косяком» помимо якобы неудачно приготовленных яиц (о чем он не в курсе)?

– Что-то хочешь мне сказать? — в резкой форме задает вопрос, и что-то вспыхивает в его взгляде. Безумная искра, словно он нашел способ вымещения клокочущего в нем раздражения. Вернее, цель.

Я — цель этого хищника.

Я ощущаю невербальную цепкую хватку его когтей на своей шее и откашливаюсь в кулак. В горле некстати першит.

– Я тебя развеселил? — с пронизывающей сталью в голосе широкоплечий мужчина сверлит во мне дыру. — Что-то кажется тебе смешным?

– Нет. Ничего. Я...

«Воздухом подавилась» — собираюсь ответить, но Мистер Возмущенность перебивает:

– Я похож на клоуна, по-твоему?

Господи, нет... Какой нетерпеливый тип.

– Извините, — все еще кашляя, произношу я. — Можно... — киваю на стол, — могу я сделать глоток?.. Мне...

Плохо. Очень плохо. Надсадная перхота не отстает, доводит до слез.

Кто-то из прислуги громко и шокировано вздыхает, словно я не воды попросила, а потребовала у него отдать мне почку, или все его несметные богатства.

Он смыкает рот, хмурым и долгим взором скоблит мое лицо и, наконец, с барского плеча — а конкретно скупым кивком — дает добро покуситься на кувшин с фильтрованной водой, и я не удивлюсь, если она была доставлена ему

прямиком из альпийского источника.

– Не забудь выбросить за собой стакан, — сухо чеканит напоминание господин Каррас и покидает обеденный зал.

Глава 6

АЛЕКСАНДР

Электронный будильник звенит ровно в пять утра, но я проснулся раньше по привычке. Я заканчиваю с отжиманиями, поднимаюсь с пола и выключаю прибор после нескольких секунд писка. Моей девушке этот звук нисколько не помешал, она продолжает спать как убитая. Ее отдых не потревожит даже атомная война.

Я наслаждаюсь видом стройной обнаженной спины, ниспадающим каскадом золотисто-медовых длинных локонов, округлые женские бедра накрыты одеялом, и мне хочется это исправить, но затем я вспоминаю свой насыщенный график на сегодня и вынужденно передумываю, иначе освобожусь еще нескоро. Между плотскими утехами и работой я всегда буду выбирать последнее.

Блондинка в моей кровати с приглушенным мычанием переворачивается на другой бок, показывая безмятежное кукольное личико. Я глазею немного ниже — на высокий пышный бюст. Незатейливая эстетичная картинка, безусловно, радует глаз.

Натуральная красота — единственное, чем может похвастаться Стелла. Во всем остальном она — обманщица, а так же глупа и капризна, как ребенок. Поначалу надеялась за-

гнать меня под свой каблучок, как провернула это со своим бывшим, однако я быстро усмирил пташку и показал, что позволю ей спать в моей постели исключительно на условиях, которые предложу. И ее дерзость как ветром сдуло, потому что больше, чем собственную гордость, она лелеет деньги, поступающие на ее счет от моего имени.

Я разминаю плечи, переодеваюсь в гардеробной в спортивные штаны и отправляюсь на пробежку. Обычно в это время суток территория участка погружена в идеальную, нетронутую чьим-либо присутствием тишину, а это значит, что и мои мысли останутся никем и ничем не потревоженными. С пятнадцати лет я пребываю в непрекращающемся изобилии внешних раздражителей, поэтому беру иногда такие тайм-ауты. Бег в одиночестве я превратил для себя в легкую перезагрузку. Из-за отсутствия возможности отправиться в небольшой отпуск только бегом и спасаюсь.

Но можно ли убежать от самого себя? От демонов, что всегда на шаг впереди, как бы сильно я не разгонялся.

Давно понял, что это бесполезно. Смирился и адаптировался. Взял под контроль собственные кошмары, потому как встал выбор: либо я их уничтожу, либо они меня. Чтобы выжить, я принес огромную жертву. Я отказался от души ради силы. Разрушил себя основательно и превратился в самого жуткого демона, которого не нужно дразнить.

Одна дамочка, правда, об этом не в курсе. Намерено, или нет, но новенькая домработница провоцирует мое злое нут-

ро, нарушая мои правила. И смотрит мне в глаза так, словно совсем не боится. Я раздражаюсь людьми, которые с первого раза не способны уяснить, что со мной шутки плохи.

И что в ней разглядел старик? Неприметная серая мышь с наверняка несчастливой любовной историей за плечами. Кирьян трясется над ней и мелкой девчушкой, как курица-наседка. Один раз я согласился пойти ему навстречу, выполнил просьбу и простил девчонке, которую эта глупая женщина привезла с собой в мой дом, испорченный автомобиль стоимостью в десять миллионов рублей. От тачки я избавился, потому что ни за что не сел бы в пропахший отвратительным запахом детского недержания салон снова.

Вера, или как там ее, должна быть благодарна за то, что я не предъявил кругленький счет за испорченное мисс Маленькой Проблемой имущество. Обязать ее выплачивать компенсацию означало бы иметь с ней дело на протяжении долгого времени. Я же рассчитываю на то, что вскоре она и ее спиногрызка покинут мои владения.

Мне тридцать три, и я не планирую знакомиться с ролью отца.

Я противник самой идеи продолжения рода, поэтому десять лет назад сделал вазэктомию, чтобы автоматически исключить правдивость фантазийных рассказов об утерянных наследниках, периодически распространяющиеся прессой, и реальных рисков становления родителем. Моя мать об этом не в курсе, иначе давно оторвала бы мне голову и другое при-

чинное место. Стабильно раз в полгода она заводит разговор о моем неотложном отцовстве, не подозревая, что ее завещаниям не суждено сбыться.

Я не допущу, чтобы в этом мире появился кто-то, похожий на меня. Мой ребенок несомненно превратился бы в монстра. Я бы сотворил с ним такое, как родители сделали это со мной. А на моей душе и без того — океан грехов. В этих мрачных и опасных водах нет места невинной душе.

Я знаю, что Стелла пытается забеременеть от меня. В ней нет бескорыстной любви к детям, а желание завести ребенка основывается на стремлении ни в чем не нуждаться, будучи матерью моего ребенка. Два месяца назад она прекратила принимать противозачаточные таблетки, однако продолжает лгать со сладкой улыбкой на устах, настаивая на обратном. Что ж, если дурочка все-таки залетит, то я буду уверен, что не причастен к этому.

В остальном Стелла безобидна, и в этом ее спасение.

Эта девушка — мой трофей. Наглядное напоминание о том, что я отобрал нечто важное, принадлежащее другому человеку. Я отнял у него все, включая Стеллу. Плановмерно и хладнокровно. В конце концов, оставив его ни с чем, совершенно беспомощным и одиноким.

Этот человек — мой брат.

Последние два года он прикован к постели. Не способный говорить, двигаться, смеяться, радоваться, злиться. От него осталась лишь оболочка. Я поглотил его суть и превратил в

ничто.

С брата начался мой путь чудовища.

В конце концов, в этом заключается предназначение наследников семьи Каррас. Мать учила нас лидерству и конкуренции, неустанно сталкивала меня и брата лбами, изощренно пуская в наши умы ядовитые корни соперничества, повторяя снова и снова, что передаст бизнес в руки сильнейшего сына.

Лука не желал мне зла и не хотел враждовать, а я вогнал нож ему в спину.

– Ой! — раздаётся испуганное вскрикивание.

Я слишком углубился в рефлексии и не почувствовал столкновения с темноволосым препятствием. Врезавшись в меня, ураганная худенькая коротышка отлетела на метр и теперь держится за ушибленное плечо, пропуская сквозь стиснутые зубы шипение.

Когда она поднимает голову, я моментально взрываюсь.

Опять эта бедовая женщина на моем пути! В трикотажной пижаме с нелепым рисунком улыбающегося авокадо на груди, в пушистых розовых тапочках и с растрепанным пучком на голове. Темно-коричневые глаза, обрамленные густыми ресницами, широко распахнуты от страха, однако причиной ее испуга являюсь не я. Миниатюрная шатенка лихорадочно оглядывается по сторонам, очень быстро забыв о физической боли.

На моем фитнес-трекере двадцать минут шестого. Поче-

му вдруг ей приспичило выбраться на улицу в такой ранний час? Издевательство...

— Извините, вы не видели мою дочку? — по-прежнему не глядя на меня, взволновано спрашивает и крутится вокруг своей оси. — Она... Машка... — заикаясь, нервно убирает тонкие прядки за маленькие уши, — ее нет в детской. Нигде в доме нет! — не прекращает возиться с локонами, падающими на бледное, охваченное страхом лицо. Я клацаю зубами. Это начинает раздражать. Хочется подойти и самому их убрать. А затем выставить женщину-беду за ворота.

— Не видел. Надо лучше смотреть за своим детенышем.

Она бросает на меня обжигающий неприязненный взгляд и разворачивается на сто восемьдесят.

— Нашла ведь, кого о помощи просить... — с бухтением уходит в сторону чайного домика, широко размахивая руками.

Я, между прочим, отлично слышу. Пузырь терпения лопается. Плевать, что старик просил за нее. Уволю к чертовой... Можно сказать, она уже уволена. Пусть находит свою девчонку, и обе исчезают с глаз моих долой.

Завершая маршрут, я пробегаю мимо бассейна. Слегка замедляюсь, когда замечаю светловолосую девочку, бесстрашно бредущую вдоль бортика в опасной близости от воды. Она плавать-то умеет?

Я отворачиваюсь. Это не мое дело. Я не обязан носиться с чужим ребенком, не способным усидеть на месте.

Возвращаюсь в прежний темп, но мышцы в моем теле мгновенно каменеют от звука громкого удара о поверхность воды. Машинально обращаю взор через плечо с ощущением противного озноба, проносающегося по позвонкам.

Мисс Маленькая Проблема исчезла из поля моего зрения.

Неужели... она упала в бассейн?

Сам не осознаю, как начинаю двигаться в ее направлении. Заметив опускающееся ко дну крошечное тело, без раздумий ныряю следом. Хватаю девочку, гребу к поверхности и, закинув ее к себе на спину, подплываю к краю бассейна. Осторожно положив ребенка на плитку, я подползаю к ней.

Как только наклоняюсь, чтобы проверить, дышит ли девочка, она с булькающим кашлем распахивает глаза и растерянно глядит на меня.

— Дяденька, — произносит дрожащим голосом, — а где я?

У бедовой матери бедовая дочь. Они друг друга стоят!

Глава 7

ВЕРА

Машка уснула, а я так и не могу отойти от нее. Нужно переодеться и ступить в особняк, чтобы начать работу, но как заставить себя шевелиться — ума не приложу. Сижусь в ногах истуканом, боясь отвести от малышки взгляд.

Перепугала она меня до чертиков. Я чуть сердечный приступ не словила. Меня выдернуло из сна тревожное ощущение, что что-то не в порядке. И разыгравшееся подсознательное переживание, как выяснилось, возникло не напрасно. Манька никогда лунатизмом не страдала, а тут...

Даже думать не хочу, что бы стало, не появись рядом с ней господин Каррас. Я, конечно, бесконечно ему благодарна. На радостях за спасение Машки бросилась чужому мужчине на шею, осыпая безостановочным и сумбурным потоком благодарностей. Разобрал ли он что-то из этого словесного безобразия, не знаю... но самого Александра немного потряхивало, что даже ничего колкого в ответ не сказал. Просто развернулся и ушел.

Я нашла их у бассейна, а дальше — пустота. На меня будто опустился свинцовый вязкий туман и уволок в бессознательность.

Я смаргиваю слезу, берусь занемелыми пальцами за край Машкиного одеяла и лучше укрываю ее. Выхожу из детской комнаты со щемящей болью за грудиной и растущим в геометрической прогрессии чувством вины перед дочкой. Я не должна оставлять ее одну после того, как она едва не утонула.

Не должна... но выбора нет.

Постараюсь чаще заглядывать к ней. Лишь бы пережить этот день.

А он назло тянется, как вечность. Усталость и беспокойство превращают минуты — в часы. Все валится из рук. На кухне надолго не задерживаюсь. Меня посылают в другую часть особняка после того, как я разбиваю пару тарелок. Их стоимость будет вычтена из будущей зарплаты, но эта неудача не идет ни в какое сравнение с рвением к Машке. Я выдумываю предлоги, чтобы отлучиться и прокрасться к ней во флигель. Даже находя ее в кровати в обнимку со снеками и любимой игрушкой, читающей детскую книжку, я не успокаиваюсь.

— Мам, — с деловитым вздохом Машка захлопывает сборник рассказов про животных с красочными иллюстрациями, — ну я же в порядке! Хватит бегать туда-сюда!

— Прости-прости, — быстренько целую ее в лоб, заодно проверяя, не повышена ли температура. Все-таки вода в бассейне была холодной. — Больше не буду.

— В гости заходил дядя, — делится дочка, хрумкая неболь-

шую мисочку сухариков со вкусом сметаны и лука.

— Дядя? — подбирая игрушки с пола, я замираю. — Какой дядя?

— Который меня спас.

Господин Каррас? Разве он не уехал на работу?

— Что дядя хотел?

— Спрашивал, как у меня дела, — Маша пожимает плечами. — Он принес торт. Очень-очень вкусный. Извини, — смотрит на меня щенячьими глазками, быстро-быстро хлопая ресничками. — Я тебе не оставила...

И еще на сухарики налегает. Обжорка.

— Не переживай, — я растерянно улыбаюсь дочке, раздувая над очередным приступом доброты своего начальника. — Машуль, помнишь, мы с тобой говорили о том, что нельзя разговаривать с малознакомыми людьми и тем более впускать их домой?

— Но, мамуль, он у себя дома, а мы в гостях.

Туше.

— Я понимаю, малышка.

— И он не заходил. Подарил мне торт и ушел. Мамочка, он мне нравится. Он добрый и хороший.

— Потому что угостил тортом?

— Ага.

Так дело не пойдет.

— Доченька, пообещай, что в мое отсутствие не будешь никому открывать дверь. Договорились?

Машунины плечи никнут.

– Даже дедуле?

С обезоруживающей надеждой ждет моего решения.

– Дедуле можно.

– Ура!

Закончив экстра уборку игрушек, я забираю у Маши сухари.

– На сегодня свой лимит вредной еды ты исчерпала, — выдаю я объяснение.

Дочка обиженно выпячивает нижнюю губу и с демонстративным скрещиванием рук резко отворачивается, ругая саму себя:

– Маша-Маша, не надо было говорить про тортик...

После долгожданного завершения смены я возвращаюсь домой и прямиком мчусь в душ, чтобы смыть с себя утомленность. Вот бы кто массаж сделал... Остаток дня я драила бильярдную в одиночку и боюсь, что утром не разогну спину.

А перед тем, как я покинула особняк, управляющая персоналом — церемонная высокая женщина под пятьдесят — вручила мне флешку с обучающим видеокурсом. Сварганив нам с Манькой ужин из яиц и овощей, я сажусь смотреть подробный инструктаж обо всех тонкостях моей должности.

Вводная глава посвящена этике. Не спорить с хозяевами,

не пялиться на них, не закатывать глаза во время замечаний и не пререкаться. Не цокать языком, следить за своими ногтями и волосами. Быть неуловимой, продуктивной тенью.

Зевота становится невыносимой, когда я добираюсь до той части курса, в которой рассказывается о моющих средствах. Мораль такова — нужно внимательно читать, что написано на упаковке. Раздел о высокотехнологичных бытовых приборах оставляю на завтра. Захлопываю крышку ноутбука, допиваю вкусный кофе и потягиваюсь. Иду умываться и обнаруживаю, что Маша еще не легла спать. Успела стащить мой телефон и смотрит мультик.

— Зубки чистила? — с тихим стуком я захожу в ее комнату.

— Неть.

— Почему?

— Я чистила их вчера.

— Надо делать это каждый день утром и вечером, родная.

— Не хочу.

— Так-так-так, маленькая упряmica, — я упираю руки в бока. — В чем дело?

Молчит, партизанка.

— Ма-аш.

Она хихикает над мультиком.

— Машуня.

— А?

— Ты на меня из-за сухариков обиделась?

Вздыхает.

– Да.

– Разве это повод перестать чистить зубки? Ты же хочешь, чтобы они были красивыми, крепкими, здоровыми и не болели? Тогда за ними необходимо регулярно и бережно ухаживать. Пойдем, почистим зубы вместе, — я протягиваю дочке руку.

– Не-а.

– В таком случае, я вынуждена звать на подмогу Щекотунью.

Щекотунья — мое альтер-эго... одно из дюжины личностей, появляющихся наверняка у каждой матери, когда нужно развеселить ребенка. Раньше упоминание о Щекотунье будоражило Машку, поднимало в ней игривое настроение, а сейчас она скучающе закатывает глаза. Поглядите-ка, выросла.

От звучания мелодии на звонке в меня закрадывается напряжение. И судя по тому, как широкая улыбка озаряет лицо дочки, пока она смотрит на экран телефона, я нахожу подтверждение предположению об адресанте позднего вызова.

– Папа! — восклицает Манюня.

Я не успеваю забрать у нее телефон, она отвечает на звонок и ликующе щебечет в трубку:

– Папочка, привет! Я соскучилась! Когда ты приедешь за нами?

Проклятье...

— Верка, не страдай ерундой. Возвращайся.

Я усмехаюсь. Цинично. Другой реакции Сережа пусть не ждет.

Он громоздко вздыхает в динамик. Я хожу по флигелю с лейкой и поливаю цветы. Нужно было чем-то себя занять, чтобы не сосредотачиваться на скребущей изнутри обиде в процессе телефонного разговора. До этого момента я была уверена, что во мне не осталось ни физических, ни моральных сил на разборки с бывшим, однако стоило услышать его голос и вялые, — я бы даже сказала ленивые — попытки прийти к примирению, злость во мне разыграла по новой.

— Извини меня, — бубнит кисло. — Я больше не буду.

Я вновь смеюсь.

Оправдание из разряда «провинившийся первоклассник отчитывается за двойку в дневнике». Я не его, черт возьми, мамочка и больше не нуждаюсь в извинениях. Зареклась обходить пустозвонов за версту. Мы пробовали. Неоднократно. Я прощала. Неоднократно. Наступала на одни и те же грабли столько раз, что если повторю этот трюк снова, меня можно смело назвать умалишенной.

— Мы не вернемся, — проговариваю я с поразительным спокойствием в голосе.

— Вер...

– М?

– Я тебя люблю. Вас с Машкой. Вы — два моих сокровища. Не глупи. Не рушь семью.

Я рушу семью? Не ослышалась? Соизволил объявиться спустя неделю молчания и имеет наглость обвинять меня. Наверное, только недавно протрезвел. Я в сотый раз убеждаюсь, что поступила правильно и сбежала, иначе мы с Машкой не выбрались бы из этого замкнутого круга.

– Давай мы с тобой встретимся и поговорим нормально, — настаивает Сережа. — Скажи, куда подъехать? Я заберу вас.

– Не нужно.

Он шипит ругательство.

– Что за фигня?! Скажи мне, где вы? Где ты шляешься с ребенком? Головой думаешь, нет? Таскаешь за собой Машку по всяким подворотням...

– Подворотням? — ахаю, задыхаясь от подступившего к горлу возмущения. Стискиваю в пальцах ручку лейки и медленно с шумом выдыхаю. — Такого ты обо мне мнения?

– А я не прав? — выплевывает он желчно в ответ. — Что за привычку дурную взяла — уходить из дома, когда вздумается? О Машке совсем не думаешь. Какой пример ей подаешь? Чему учишь?

– Как раз о ней и думаю. Не хочу, чтобы росла, видя твою пьяную физиономию.

Сережа фыркает.

– Не преувеличивай... — а голос под конец у него проседает до полусшепота. Неужели, стыд в нем проснулся? — Выпиваю иногда, ну и что? Я работаю. Имею право расслабиться.

– Так расслабляйся, Сереж. Пожалуйста! — чересчур резко ставлю лейку на подоконник. — Только я сыта по горло тем, как именно ты снимаешь стресс. Ты хоть помнишь, что чуть не выломил дверь в ванную, когда напился в последний раз? Ты очень сильно напугал нас, и я не намерена испытывать на себе это состояние снова и тем более заставлять Машку становиться свидетелем этого зрелища.

– Ты слышала, что она говорила? Маша ко мне хочет.

Я и вправду еле вырвала у дочки телефон из рук.

– Ты не ее отец, — процеживаю я.

– Я воспитывал ее, как родную!.. — не знаю, намерено ли, но он бросает мне это заявление в упрекающем формате.

– И? — мне его по голове за это погладить? Я никого насильно не заставляла заботиться о нас с Машей. Он действовал по собственной инициативе. — У тебя нет на нее никаких прав.

– Кто бы говорил.

Метко бьет в самое больное. По глупости я рассказала ему свою историю, впустила в душу.

– Ты все сказал?

– Все, — рывкает Сережа.

– Прощай.

– Вот так возьмешь и покончишь со всем, что между нами было?!

А как иначе?

Я плетусь на кухню и завариваю ромашку. Вряд ли она спасет, тем не менее, попробовать не помешает.

– Да, — приглушенно произношу, держа дрожащими пальцами чайную ложечку. Монотонно размешиваю двойную порцию сахара в коричневатой жидкости и смаргиваю крупную слезу, падающую прямо в кружку.

Как бы холодно с ним не говорила, нутро плавится от досады. Завидую тем, кто легко отпускает людей из своей жизни. Мне же потребуются годы, чтобы исцелиться и вновь открыться кому-то.

Откровенно говоря, Маша — моя единственная движущая сила; беспокойство за ее будущее является мощной мотивацией обрывать связи во благо. Да, боли избежать не удастся, но со временем станет лучше, легче. Непременно. Я в это верю. Настанет день, когда я едва-едва вспомню, из-за чего конкретно в этот момент больно так, что трудно дышать, а от слез перед глазами все выглядит размытым.

– Малыш, не руби сгоряча, — на выдохе натужно просит Сережа.

Только так и нужно.

Я ждала его звонка. Убрала в потаенный уголок души надежду на примирение и оберегала ее, понимая, что это идет вразрез со здравомыслием. Сейчас я благодарна дням, про-

веденным в неизвестности, потому что с большой вероятностью вернулась бы к нему, позвони он мне в тот же вечер, или на следующий день.

– Береги себя, — выдерживая ровную интонацию, говорю я.

– Нет... Нет-нет-нет. Вер, не делай этого. Скажи мне, где ты. Скажи! Я приеду! Я сейчас же приеду к тебе, и мы...

– Обратись за помощью в клинику. Я не хочу, чтобы ты погубил себя, — искренне желаю ему, игнорируя негативное восклицание, рвущееся из динамика телефона. Сахар уже полностью растворился, но я продолжаю выводить круги ложечкой, вмешивая слезы.

– У тебя появился другой?

Я закрываю глаза.

– Честно скажи, а? Нашла себе кого-то? Поэтому так резко соскочила? — нежелание мириться с моим решением сменяется совершенно беспочвенным обвинением. Ни разу за время наших отношений я не давала повода усомниться в своей верности Сереже. Он прекрасно это понимает, однако зачем-то вываливает эту чепуху.

– Нет у меня никого.

– Врешь, — яростно дышит в трубку.

Ему жизненно важно выбелить себя. Ладно. Пусть так. Я устала спорить.

– Мне пора ложиться спать. Пожалуйста, не звони больше.

– Вера!..

– И... спасибо за все.

Я завершаю звонок и тут же удаляю его номер.

Глава 8

ВЕРА

— Как тебе школа?

Маша поет песенку и пинает туфелькой камешки.

— Здесь красиво, правда? — я с улыбкой обвожу взглядом просторную территорию образовательного учреждения.

Двор разделен на секции — для отдыха с всевозможными качелями для детей младших классов, ярко-зеленой аккуратно стриженной лужайкой, с лавочками и столами, и спортивные площадки для тенниса, футбола и баскетбола. Изнутри школа больше похожа на университет. В центре размещен трехэтажный атриум, который пересекают лестницы. Учебные классы светлые и большие. Кафетерий — предел мечтаний. Двухуровневая библиотека, бассейн, оснащенный всевозможными устройствами фаблаб, классы для рисования, лепки и кулинарии, дюжина запасных входов и выходов для гарантии безопасного отступления в случае аварийной ситуации.

В детстве я бы все отдала, чтобы учиться в такой школе.

Однако Манюня, похоже, моих впечатлений не разделяет.

— Почему ты грустишь? — я опускаюсь перед дочкой на корточки, поместив ее ладошки в свои руки. — Расскажи маме. Тебе здесь не нравится?

– Нравится.

– Тогда почему на твоём прелестном личике я не вижу улыбку? Разве ты не хотела поскорее познакомиться с ребятами? Завела друзей? Давай, Манюня, поговори со мной. Что-то случилось? — я закидываю её рюкзак к себе на плечо. — У меня сегодня выходной, съездим в парк аттракционов? Что скажешь? Набьем животы самым вкусным мороженым в мире.

– Я хочу к папе, — Манька вырывается и отступает на шаг. Неожиданно. От развлечений она ещё никогда не отказывалась. — Я не хочу эту школу. Отвези меня к папе.

У меня чуть с языка не слетает кое-что плохое. Нужно было догадаться, в чём причина её плохого настроения. Что пишут по такому поводу в книжках по детской психологии? Манюня достаточно взрослая для того, чтобы открыто обсудить с ней мое решение расстаться с Сережей. Она должна узнать это от близкого человека, пока кто-то другой не откроет «вовремя» свой рот.

– Мы с твоим папой... отдыхаем друг от друга, — понизив голос, объясняю Маше. Разумеется, упуская многие нюансы, в том числе отсутствие кровного родства между ними. Но к такому непростому диалогу необходимо подготовиться, и прежде всего самой. И уж точно беседовать не в людном месте, когда рядом проходят родители с детьми.

– Зачем? — дочка капризно хнычет.

– Ты можешь дать мне немного времени? Я все тебе рас-

скажу. Обещаю.

– Честно?

Я подставляю свой мизинец.

– Клянусь.

– Когда?

– Скоро.

Маша подцепляет мой палец своим мизинчиком.

– Ладно.

Я притягиваю малышку к себе и крепко обнимаю.

Удалось выбить для себя небольшую отсрочку, и дышать стало чуточку легче.

– А в какой парк мы поедем? — спрашивает Манюня оживленным голосочком.

Какая хитрюшка.

– В «Сказку».

– Я съем вот столько мороженого! — Машка подпрыгивает и широко разведенными руками рисует круг, показывая объем порции.

– В тебя так много не влезет.

– Влезет!

– Вот и нет.

– Вот и да!

Мы замечательно проводим время в парке, и мне крайне стыдно перед Машей, ведь пока что я не могу уделять ей больше внимания и дарить веселье. Это мой первый выходной с момента переезда во владения господина Карраса, и

часы пролетают стремглав. Время движется, словно в ускоренном темпе.

Получив обещанное мороженое, Маша делится впечатлениями о школе. В своем классе она дружит с девочкой Викой и близнецами Августом и Гедеоном.

— У мальчиков день рождения в субботу. Можно я пойду? — она вынимает из рюкзака небольшую открытку и протягивает мне. Это приглашение на торжество. Указан адрес, точное время начала мероприятия и обязательный дресс-код, в том числе и для сопровождающих родителей, в стиле «Звездных Войн».

— Угхм, — я теряюсь с ответом. — Ты подумала над подарком?

Манюня пожимает плечами.

Я со своими грошами в карманах особо не разгуляюсь с выбором презента для богатых отпрысков. А еще Маше нужна одежда... Я с ней вряд ли сумею остаться на празднике, ведь неизвестно, когда выйду себе следующий выходной. Пусть хоть дочка развлечется. Как раз сегодня выдали аванс, и мне не придется ей отказывать в просьбе.

Пока она клюет картофель по-деревенски, я ищу в интернете прокат костюмов. После «Сказки» мы едем в торговый центр и подбираем для Машки наряд Дарта Вейдера. В бутике с игрушками торчим, по меньшей мере, час, уходим перед самым закрытием с большой коробкой лего и двумя плюшевыми Йодами из «Мандалорца».

– Спасибо, мамочка! — на подходе к кованым двухметровым воротам особняка греческого миллиардера Машка вдруг шлет мне воздушный поцелуй. — Сегодня было очень весело!

Я легонько провожу пальцем по ее носику, Манюня ежится со смехом.

– Щекотно?

– Да-а!

Перед тем, как получить доступ к дальнейшему перемещению по территории дома Александра Карраса, мы с дочкой проходим стандартную проверку. Убедившись, что я не нахожусь в алкогольном опьянении, а Машкины школьные принадлежности и комплект игрушек не представляют угрозу для жизни хозяина обширных владений, охранник разрешает нам пройти.

– Что приготовим на ужин?

Маша задумчиво стучит пальчиком по подбородку.

– Сладкую пиццу, как в Гравити Фолз.

В который раз она пересматривает этот мультик? Скоро будет зачитывать мне реплики наизусть.

– Ты за сегодняшней день съела годовой запас сладкого, Маш. Нужно сделать перерыв.

Мы направляемся к флигелю и издали замечаем господина Карраса. Вальяжной поступью могучий брюнет спускается по ступеням, скушаяще осматриваясь по сторонам. У подножия лестницы припаркован белый лимузин, а сам

Александр облачен в официальный черный костюм.

— Дядя! — радостно восклицает Манюня и энергично машет ему. — Дядя!

Меня бросает в озноб, затем в жар.

Господин Каррас, уловив острым слухом счастливый глас ребенка, ястребиным взором безошибочно разглядывает в сгущающихся сумерках наши лица и резко отворачивается в противоположном направлении, проиллюстрировав нежелание создавать видимость, будто мы более-менее ладим.

Ну разумеется. Он в своем чудаческом репертуаре.

— Почему дядя не поздоровался с нами? — с расстроенной интонацией бормочет Манюня.

— Дядя очень торопится... Не будем ему мешать.

Александр топчется возле лимузина, судя по всему, кого-то ожидая. Я тяну Машеньку, прошу ускориться немного. Периферийным зрением замечаю быстрое движение слева. По наитию, следуя порыву любопытства, обращаю внимание на цокот спинок по каменным ступеням.

Стройная девушка семенит по лестнице, буквально порхает на высоченных каблуках с поразительной непринужденностью и изящностью. Она прижимает к бедру бежевый клатч в тон вечернему платью со струящимся полупрозрачным шлейфом и вырезом от бедра. Господин Каррас открывает для нее заднюю дверь лимузина. Спутница Александра откидывает с обнаженного плеча длинные, медового оттенка волосы, уложенные крупными волнами, и ослепительно

улыбается ему.

Я выпускаю последний воздух из легких, жадно вглядываясь в черты лица этой девушки. Маша зовет меня, а я не знаю, как обратно «включиться» в реальность. Врастаю в асфальтированную дорожку, внутренности плавятся от нехватки кислорода. Может, жгучая боль отрезвит меня?

В прошлый раз мне не показалось.

Родинка в форме звезды на запястье... Ее овал лица, высокие скулы, улыбка, ямочки на щеках.

На втором этаже особняка Александра я видела Злату.

Моя сестра садится в лимузин, и следом в авто ныряет господин Каррас.

Глава 9

ВЕРА

— Мам, ну мам!

– А?

– Ты меня не слушаешь!

– Нет. Слушаю...

Не слушаю. Не могу. Не получается. Как переступили мы с ней порог дома, так плюхнулась я на диван и превратилась в немое изваяние. Манюня мельтешит перед глазами, а у меня не выходит сфокусировать на ней взгляд. Я гляжу сквозь, в гипнотизирующую пустоту. Вместо головы — чугунный котел. Мозговые шестеренки не функционируют. Мысли о сестре непрошибаемой армадой гремят внутри черепной коробки. Неистребимый леденящий страх гонит кровь по венам.

Мне ведь не показалось? Снова и снова спрашиваю себя, хотя прекрасно знаю ответ. Не показалось. Я видела ее. Злата была с моим боссом. Моя сестра. Эта сбежавшая паршивка, которую я не видела пять лет, села в его лимузин, сверкая довольной улыбкой.

Машка дуется, что я не отвечаю ей, и убегает в свою комнату, с хлопком дверь закрывает. Я бы и рада объяснить ей, в чем причина внезапной перемены в моем поведении, да

только что скажу? Я видела твою родную маму, а она, похоже, знать не знает, что мы поселились у нее под носом? Так, что ли? Она не поймет. Будет задавать вопросы. И однажды мне ничего не останется, кроме как рассказать ей правду.

Я не ее мама, но люблю как свою.

Она и есть моя.

Всегда была и будет моей.

Злата мечтала выбиться в люди. Рада, что ей это удалось.

Крутит шашни с Каррасом? Как давно? Знает ли Александр о пятилетнем прошлом моей сестры, от которого она избавилась, как от назойливой мухи?

Как же тесен мир.

Переждав стадию тотальной атрофии, эмоциональной и физической, я возобновляю движение. На ватных ногах встаю с дивана и на автопилоте накрапываю в сторону душевой. Не глядя выкручиваю краны и встаю под тугие струи. До меня не сразу доходит, что сверху льет кипяток. Кожа моментально краснеет от соприкосновения с горячей водой. Шикая, я добавляю напор холодной и прислоняюсь лбом к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.